

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

Сколько живут донжуаны

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Сколько живут донжуаны

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Сколько живут донжуаны / А. Данилова — «Автор»,
2018 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-093853-7

Вадиму Соболеву не было равных в умении обольстить и влюбить в себя любую женщину, а затем жестоко ее бросить, предварительно выманив у нее огромные деньги. И убить его хотели все его любовницы без исключения, но воплотить это желание в жизнь смогла только одна из них. Убить и замести следы так, чтобы догадаться, что это она, было абсолютно невозможно. И не важно, что расплачиваться за ее преступление придется ни в чем не повинному пианисту Игорю Светлову и его талантливой ученице Тане Тумановой, ведь месть того стоит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093853-7

© Данилова А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

1. Игорь. 11 января 2018 г.	6
2. Костров. 11 января 2018 г.	8
3. Наташа. 11 января 2018 г.	12
4. Таня. 11 января 2018 г.	13
5. Рита. 11 января 2018 г.	17
6. Костров. 12 января 2018 г.	20
7. Капитан Лазарев. 12 января 2018 г.	27
8. Таня. 11 января 2018 г.	33
9. Наташа. 5 января 2018 г.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Васильевна Данилова

Сколько живут донжуаны

© Дубчак А.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Смывает лучшие румяна
Любовь...*

М. Цветаева

1. Игорь. 11 января 2018 г.

Он выбежал из подъезда и, не разбирая дороги, бросился куда-то в сторону, к окружающим двор по-зимнему черным кустам и деревьям, словно желая в них спрятаться, затеряться. И хотя снега не было и ботинки его хлюпали по грязной жиже, все равно ему было очень холодно, словно он медленно погружался в ледяную воду. «Что это за зима такая? Ни снега, ни мороза, одна грязь...» – вдруг подумал он, словно по привычке, как мог подумать, к примеру, еще вчера утром, когда жизнь его была вполне себе спокойной и ничто не предвещало никаких потрясений. Да и вообще, если разобраться, то и потрясений в его жизни было не так уж и много. Разве что одно, мощное, перевернувшее его жизнь (во всяком случае, так считала Клара, а ему ничего другого не оставалось, как соглашаться с ней) событие, которое считалось в их семье трагедией. Вот интересно, он когда-нибудь признается ей, что для него это стало событием если не радостным, то все равно каким-то освобождающим, как если бы вместе с физической болью в его жизнь вошла тихая радость и ощущение полной свободы. Наверное, нет, просто не посмеет, чтобы не разочаровать ее. Куда он без нее, без Клары?

Очень это странное состояние, когда вместо того, чтобы думать о главном, мозг пытается зацепиться мыслью за какой-нибудь пустяк, мелочь, потому что очень страшно. Так страшно, что и живот болит, и колени подкашиваются. Продираясь сквозь кусты непонятно куда, может, к дорожке, ведущей к шоссе, а может, желая вообще исчезнуть, раствориться в этом холодном влажном воздухе, он вдруг вместо голых темных веток увидел металлические прутья решетки. Тюремной решетки. Это же надо так попасть!!!

Он руками принялся раздвигать ветки, обдирая пальцы, те самые драгоценные пальцы, которые в свое время хотел застраховать на миллион долларов. Теперь они ему уже не понадобятся. Там, куда его уже очень скоро определят, ему не то что пальцы не понадобятся, ему вообще ничего не понадобится, потому что он умрет в первый же день. В первый же час. Не в лесу же жил, сколько книг прочел, сколько сериалов просмотрел (устроившись на диване с Klarой), где описывалось, что делается в мужских тюрьмах.

Сердце так колотилось, словно хаотично перемещалось из грудной клетки в уши, щеки, кисти рук, все тряслось, и перед глазами все плавало, растекаясь искаженными очертаниями окрестных объектов.

Велосипедная прогулка по залитой розовым солнцем сосновой чаще, которая закончилась падением и необратимой травмой запястья, сейчас показалась ему лишь небольшой жизненной драмой, касающейся лишь его лично, и все. Сейчас же последствия затронут многих людей, причем некоторых ему предстоит увидеть первый раз в своей жизни.

Он обежал дом три раза, прежде чем обнаружил свою машину, которую припарковал в соседнем дворе, и только сейчас, увидев ее, вспомнил об этом. Надо же, подстраховался, называется. Не мог оставить ее где-нибудь подальше. Хотя кто же мог предположить, что так все получится.

Он достал из кармана пальто ключи, и они тут же предательски выскользнули из пальцев прямо в серую снежную кашу под ногами. Он наклонился и, пачкая пальцы, принялся выуживать их из грязи. Подумалось вдруг, что если кто и заметил его, то не забудет, это точно. Будь он в невзрачной куртке с капюшоном, может, и не заметили бы, а так, как можно не обратить внимания на высокого господина в длинном черном шерстяном пальто и пестром золотисто-красном кашне?

На него всегда и все обращали внимание, и он знал это, понимал. Но одевался все же скорее для себя или для Клары, чем для толпы. Ему нравилось ощущать себя в хороших дорогих сорочках или свитерах, пальто, плащах. С годами у него выработался свой стиль одежды, где холодная элегантность соседствовала с буржуазным уютом и комфортом. Он очень любил бар-

хат, вельвет, меха, фланель, замшу, все то, что могло согреть и доставить удовольствие своим прикосновением.

Наконец, он сел в машину, завел ее и выехал на шоссе, покатыл в сторону Театра сатиры, где любил в полном одиночестве обедать в курином кафе. Надо было все обдумать. Одна версия будет придумана специально для Клары, другая, подредактированная с ее же помощью, – для полиции. Он взял куриные крылышки, булочку, клубничное мороженое и, устроившись в дальнем конце почти пустого зала, набросился на еду. Когда он еще так поест? Быть может, это вообще его последний приличный обед. Потом будет (как это так она называется-то, тюремная еда?)... Баланда! Вот!

2. Костров. 11 января 2018 г.

К приходу своей старой знакомой Клары Светловой, известной вокалистки и просто чудесной женщины, мы с Леной подготовились – заварили чай, напекли сырников.

– Она больше всего на свете любит сырники, – сказал я моей жене Леночке, меньше всего предполагая, что эта подробность может ее как-то смутить или даже вызвать ревность. – С изюмом. Положи побольше изюма.

Лена подняла на меня глаза и поджала губы, как бы спрашивая меня, кто такая вообще эта Клара и что нас связывает (или связывало в прошлом).

– Конечно, я был в нее влюблен! Она была самой красивой девочкой нашего класса, и буквально все были в нее влюблены. Конечно, это было давно, и сейчас она зрелая женщина, но время не испортило ее красоту. Да ты сама сейчас все увидишь!

Конечно, я осел и сам часто ловлю себя на том, что многое из того, что я делаю или произношу, может причинить боль моей молодой жене, но что поделать, если я воспринимаю ее как часть самого себя, а потому общаюсь с ней легко и запросто, никогда не допуская мысли, что она может приревновать. Да как вообще меня можно к кому бы то ни было ревновать, если я, во-первых, старше ее, во-вторых, влюблен в нее и, в-третьих, не такой уж я и красавец, если разобраться. Невысокий упитанный мужчина, неэмоциональный, скучный и полностью погруженный в свою работу. До сих пор не понимаю, что моя Леночка нашла во мне.

– И часто ты с ней встречаешься?

– Да вообще не встречаюсь. Однако, когда вижу ее афиши, всегда останавливаюсь и разглядываю ее. До сих пор не верится, что она так высоко взлетела, что поет, как птица, что гастролирует по всему миру.

За четверть часа до прихода Клары Лена принарядилась, причесалась и теперь стояла у накрытого стола с озадаченным лицом.

– Что не так?

– Как ты думаешь, зачем ей понадобилось встречаться с тобой?

– Знаешь, здесь не надо обладать даром предвидения, чтобы понять – у нее проблема, – вздохнул я, понимая, что вряд ли знаменитая Клара Светлова решила осчастливить меня своим присутствием по причине того, что сильно по мне соскучилась. Я ничего не знал о ее семейной жизни, но можно было предположить, что у нее семья, дети и что, вполне возможно, проблема заключается именно в детях. Может, сын вляпался в какое-нибудь нехорошее дело или с дочкой что-то случилось. Она прекрасно знала, чем я занимаюсь, ведь у нас с ней было довольно много общих знакомых, тех же одноклассников, которые время от времени обращались ко мне за помощью. И уж если она позвонила мне, значит, ей действительно от меня что-то нужно.

Я встретил Клару в новом, связанном Леной, красном жилете и белой сорочке. Увидев меня, Клара, высокая, закутанная в белые меха, сначала улыбнулась мне, как старому знакомому, как однокласснику, и, наконец, нервно произнесла своим перламутровым голосом что-то вроде «Фима, ты прелесть!», после чего вдруг разрыдалась, бросилась ко мне на грудь и просто забилась в конвульсиях. Мы с Леной раздели ее и усадили за стол, я плеснул ей водки.

Слегка растрепанная, с длинным светлым локоном, выбившимся из прически и мешавшим ей говорить, то и дело закрывая рот, с красным влажным лицом и черными мокрыми разводами вокруг глаз, она выглядела совершенно несчастной. Давясь слезами, она начала рассказывать о своей беде, но я долгое время никак не мог ее понять. Речь шла о каком-то Игоре, «талантище», которого «постигла страшная трагедия, сломавшая ему жизнь», – травма руки, но это, как я понял, случилось с ним давно.

– Он не выдержит тюрьмы, он погибнет там! Его изуродуют, избыют! Фима, умоляю тебя, помоги!

– Клара, дорогая, объясни, за что его должны посадить? – В минутной паузе между ее рыданиями и потоками слов мой вопрос прозвучал довольно ясно и четко.

– Как за что? За убийство!

– И кого же он убил?

– В том-то и дело, что никого! Он просто вошел туда, а тот мужчина уже там, лежит и не двигается! Что ему оставалось делать? Он у меня натура чувствительная, нежная, впечатлительная! Пианист, что еще сказать?! Тут простой человек увидит труп и падает в обморок, а это мой Игорь! Ты его просто не знаешь, не знаешь...

– Его уже арестовали? – Я, как мог, пытался прояснить ситуацию.

– Нет! Я его спрятала! Возможно, что сейчас, пока мы здесь, они уже у нас и ищут его.

– Не поняла, он что же, где-то здесь? – вдруг догадалась спросить Лена, которая так же, как и я, пока ничего не понимала.

– Да, конечно! Он там. – Клара кивнула в сторону прихожей.

Я встал, подошел к двери и заглянул в глазок. Потом открыл дверь и увидел стоящего возле соседней двери высокого и очень похожего на Клару мужчину в длинном черном пальто с пестрым шелковым кашне, небрежно вывалившимся из высокого ворота и свисавшим огненной змеей почти до пояса. Мужчина поразил меня совершенно белым лицом. Он был похож на покойника. И только огромные карие блестящие глаза и обветренные красные губы придавали ему вид живого человека.

– Заходите! Быстро! – поддался я общему настроению.

Он вошел. Игорь Светлов, родной брат Клары. Бывший пианист, перепуганный насмерть обстоятельствами, в которых мне предстояло разобраться.

Клара бросилась к нему и по-матерински нежно его обняла. Я сразу понял, насколько эти двое, брат и сестра, привязаны друг к другу. Такое случается не так часто, но наблюдать эту любовь, эту заботу, мне лично было очень приятно. Сколько конфликтов, с которыми мне приходилось сталкиваться в своей профессии, расследуя преступления, были связаны как раз с самыми близкими родственниками. Обкрадывали друг друга, а то и убивали. Словно в них и не текла одна и та же кровь. Хотя, быть может, я заблуждаюсь по поводу этой самой крови, которая, как принято считать, должна связывать людей по жизни, объединять и делать их по-настоящему родными. Да, скорее всего, это все-таки заблуждение, и дело, думаю, в том, что ближайшие родственники просто долгие годы живут рядом, поэтому возникает привязанность и любовь. Или это тоже заблуждение? И знает ли вообще хоть кто-нибудь ответ на этот вопрос: играет ли кровь роль в отношении людей друг к другу?

Клара раздела брата, подоспевшая Лена приняла из ее рук пальто, повесила на вешалку и проделывала все это, не сводя глаз с Игоря. Думаю, глядя на него и на то, как Клара вилась вокруг брата, она подумала о том же, о чем и я.

– Вот, познакомьтесь, пожалуйста, это Игорь, мой брат, известный пианист... После трагического случая он не смог продолжать свою профессиональную концертную деятельность и теперь преподает фортепиано в музыкальном училище. У него много учеников, все очень талантливы, принимают участие в конкурсах пианистов, занимают первые и вторые места, у него есть даже свой сайт, где вы можете, – здесь Клара обратилась к Лене, – прочитать отзывы об Игоре как о преподавателе.

– Клара! – вдруг возмутился молчавший до этого момента Игорь. – Да при чем здесь все это?! Послушайте, Ефим, я знаю, что вы учились вместе с Klarой, что вы большие друзья и вам можно доверять...

Ну, наконец-то, он сам заговорил, словно проснулся, очнулся.

– Слушаю вас, – сказал я. – Что случилось?

– Мне надо было навестить одну мою ученицу, она приболела, а у нас на носу конкурс... Телефон ее не отвечал, а поскольку она живет одна, и я подумал, что она может заболеть или вообще с ней что-то случилось, я отправился к ней, на Садовую-Каретную, где она снимала комнату. Я имел самое смутное представление о том, где именно находится эта квартира, однако нашел этот дом, пятиэтажный, довольно старый, дверь в подъезд была, к счастью, открыта, иначе я и не знаю, как бы туда зашел... Я прикинул, что ее квартира должна находиться на четвертом этаже, поднялся, подошел к двери, уверенный в том, что это и есть та самая квартира двенадцать, хотел даже позвонить, и как-то так получилось, что машинально взялся за ручку двери, и дверь (я потом уже понял, что это квартира номер девять!) приоткрылась. Ну я и вошел. Вот, собственно, и все мое преступление.

– И? – Я с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. Иногда людям свойственно рассказывать только часть истории, поскольку им кажется, что все остальное всем известно, потому что известно самому рассказчику.

– Он вошел и увидел там труп! – взвизгнула высоким сильным голосом Клара.

– Я сразу понял, что ошибся, потому что уже в передней чувствовалось, что там живет мужчина. Накурено, не прибрано, грязно, на вешалке ни одной женской вещи. Мне бы повернуть и уйти обратно, ведь получается, что я вошел в чужое жилище, однако подумал, а вдруг Таня снимает комнату у какого-нибудь старика, к примеру, курящего. Может, в ее комнате все по-другому? Словом, я прошел и оказался сразу в кухне. Там горел свет, думаю, я потому и отправился именно туда. И вот там на полу лежал мужчина. Нет, вы не подумайте, там не было ни крови, ни следов насилия, как это говорится... Ни следа от пули, ни торчащего ножа в спине или горле... Он лежал на животе и не дышал. А вокруг... Словом, его перед тем, как он умер, рвало. И я предположил, что его отравили. Мне стало дурно, и я выбежал из квартиры.

– Почему вы так напуганы? Вы же ничего не совершили. Никого не убили.

– Там повсюду камеры, я была там, видела собственными глазами. Напротив этого дома находится небольшое трехэтажное административное здание, потом увидишь, Фима, и там полно камер. Там офисы, стоят дорогие машины...

– Клара, ты не раздула всю эту историю?

– Послушай, я много гастролирую, таскаю с собой ноутбук с флешкой, куда записываю фильмы, и где бы я ни была, постоянно смотрю какие-нибудь сериалы. Да, мне стыдно, но это чистая правда. Так вот. Я многое знаю о полиции и следователях. И не надо быть профессионалом, чтобы понять, что Игоря уже очень скоро вычислят. Он же сначала покружился вокруг дома, а потом сел в свою машину и поехал... Мужчину найдут или уже нашли, я имею в виду труп, по номеру машины, которую засекли камеры, вычислят владельца, там адрес... Фима, да что я говорю тебе такие элементарные вещи?! Ты же и сам все отлично знаешь!

– Да, понимаю... Вы просто решили подстраховаться, так?

– Когда его задержат и отправят в СИЗО, будет уже поздно... его начнут бить уже там, живого места не оставят. Причем будут бить просто так, от скуки или досады. Или, может, посадят к нему кого-то, кто будет убеждать его признаться в убийстве, которое он не совершал.

– Клара!

– Фима, я знаю, что говорю. У моей хорошей знакомой, скрипачки, мужа задержали, тоже разбирались, кто воспользовался его машиной и сбил человека, и вот в камере его избили. Два зуба ему выбили! Потом отпустили, а у человека травма на всю жизнь. Мы его с Соней в Крым отправили лечиться.

– Вы имеете в виду, что повсюду наследили, да? – Я смотрел на несчастного пианиста и понимал, что в чем-то они действительно правы. И пока его не задержали и даже не вычислили, он может спокойно убраться из Москвы.

– Да, конечно! – вмешалась Клара. – Он же и за ручку двери брался, и на кухне натоптал. Ты же видишь, на улице слякоть, он же в ботинках был, повсюду натоптал.

– Хорошо, давайте конкретно: чем я могу вам помочь?

– Спрячь Игоря. И когда за ним придут и выяснится, что он объявлен в розыск, поможешь нам найти настоящего убийцу. Другого способа снять с него обвинения я просто не вижу.

– Клара, давай уже успокоимся и подумаем хорошенько. Во-первых, человек мог отравиться сам случайно или же решил покончить с собой. Во-вторых, убийцу, возможно, вычислят в самое ближайшее время, или же он сам придет с повинной.

– Ну, ты фантазер! – нервно гоготнула Клара. – Ты действительно в это веришь или просто пытаешься нас успокоить?

– И то и другое. В-третьих, вы же не знаете время смерти. Возможно, мужчина умер давно, и на момент смерти у вас, Игорь, было алиби.

И тут за столом стало так тихо, что я услышал дыхание сидящей рядом со мной Лены.

– Игорь, а ведь Фима прав! – просияла Клара, сдунув локон с лица. – Откуда ты знаешь, когда он умер? Вернее, когда его отравили? Возьмут на экспертизу чашки-стаканы, в которых мог быть яд, снимут отпечатки пальцев настоящего убийцы...

И беседа потекла уже более спокойно, а наши гости стали рассуждать уже более здраво, без паники. Под конец, когда Лена угостила их вином, они и вовсе расслабились.

– Я поселю его на своей даче, – предложил я, ловя ободряющие взгляды жены. – Там все условия для жизни. Ну, и буду держать в курсе дел.

– Ты действительно сможешь узнать имя этого человека? Фамилию следователя?

– Действительно, – улыбнулся я Кларе, радуясь тому, что мне удалось их успокоить.

– Пианино там есть? – спросил Игорь, краснея от собственной храбрости, как если бы понял, насколько несвоевременно и глупо прозвучал его вопрос.

– Есть, старое, немецкое, но его не мешало бы настроить.

– Я настрою! Сам! – обрадовался он. – Клара, ты мне только напомни взять сумку с инструментами и камертон.

Решено было отвезти Игоря на дачу немедленно. Отправились втроем: я, Клара и Игорь. Лена собрала сумку с продуктами, Клара попросила меня по дороге заехать в какой-нибудь супермаркет, чтобы купить все необходимое для «домашнего ареста» брата. Я дал ему новую сим-карту для телефона, чтобы обезопасить себя в случае, если его телефон поставят на прослушку. Под конец наши сборы уже походили на подготовку к воскресному пикнику на свежем воздухе.

– Фима, Лена, спасибо вам за помощь и понимание. – Клара нежно обняла Лену. – Я заплачу любые деньги, за это можете не волноваться. Для меня главное – это спокойствие и счастье брата.

В какой-то момент я вдруг поймал взгляд Игоря, обращенный ко мне. И в нем было столько боли! Откуда вдруг этот взгляд? Именно после этого взгляда визит Клары уже не стал казаться мне каким-то несерьезным, что ли, а ее страхи раздутыми. Возможно, Игорь что-то скрывает.

Довольно часто в моей практике случается, что вполне безобидные дела и ситуации превращаются в интереснейшие расследования. Кто знает, может, это как раз такой случай?

3. Наташа. 11 января 2018 г.

Она открыла глаза. Увидела белый, с едва заметной паутиной потолок и вспомнила, что находится в больнице. Проснулась она от звуков, доносящихся откуда-то слева. Повернула голову и увидела сидящую на постели женщину. Худую, с бледно-желтыми руками, одетую в розовый пеньюар. Трудно было определить ее возраст. Может, под пятьдесят? Густые светлые волосы, закрученные в крепкие кудри, смотрелись здоровыми на фоне общего болезненного вида.

– А, проснулась? – Женщина улыбнулась, и Наташе стало как-то легче. Хорошо, когда люди улыбаются, даже и в таком странном и неприятном месте, куда ее поместили. – Меня зовут Паша. Прасковья. Странное имя, правда? Несовременное. Сама не знаю, зачем моя мама так меня назвала. Можно было, конечно, его поменять, но при маме я бы не посмела этого сделать, а после ее смерти тоже не решилась.

– Какие у вас красивые волосы, – прошептала, глотая непонятно откуда взявшиеся слезы, Наташа, чтобы как-то подбодрить соседку по палате.

– Волосы? – Паша, часто моргая, вдруг широко улыбнулась, показывая голубоватые искусственные зубы, и правой рукой стянула с головы парик, обнажая голый, правильной формы череп.

Наташа закричала.

4. Таня. 11 января 2018 г.

То, чего она так долго ждала и одновременно боялась, наконец произошло. Любовь полыхала в ней огнем, заставляла ее кровь кипеть, и она не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме него. Если бы ее спросили, любит ли она музыку, доставляет ли ей удовольствие прикасаться к клавишам и извлекать звуки, она ответила бы положительно с условием, чтобы рядом был он, ее возлюбленный, ее учитель, ее мотиватор, ее бог. В поселке Лесном, где она жила с матерью и где единственным ее развлечением была музыка, уроки фортепиано, куда мать записала ее, желая дать дочери все, что только в ее силах, разве могла она представить себе, что с ней случится настоящее чудо? Что какая-то комиссия из Москвы, какое-то волшебное жюри, отбирающее талантливых детей из провинциальных музыкальных школ, выберет ее, юную пианистку, для участия в следующем конкурсе уже в Москве?! Что на нее обратит внимание председатель этого жюри, красивый и элегантный мужчина, известный пианист Игорь Светлов? Что он сам, лично, будет давать ей мастер-классы, заниматься с ней, причем совершенно бесплатно?! И если поначалу занятия фортепиано были восприняты ею лишь как дань матери и она посещала занятия просто так, чтобы отсидеть часы, отгарабанив какие-то скучные упражнения и этюды, то потом немного втянувшись и даже начала получать удовольствие от этого процесса. Тогда, в начальных классах музыкальной школы, она и понятия не имела, что опережает своих одноклассниц по музыке настолько, что за ней просто не угнаться. Природный дар схватывать и запоминать ноты, а также искусное владение инструментом она воспринимала как само собой разумеющееся. Она с легкостью читала с листа, бегло играла, но делала это с небрежностью маленького гения, о чем и не подозревала. Мать, отдав ее «в музыку», умиленно плакала, когда дочка вечерами играла ей на пианино. К счастью, тратиться на инструмент им не пришлось – соседи сами заплатили им двести рублей, чтобы они только вывезли ненужный инструмент из их дома.

Сейчас, поднимаясь по мраморным ступеням свадебного салона в Москве, в самом центре, она не верила, что все это происходит с ней. И хотя на ней была шубка и шапка, все равно ей казалось, что она до сих пор обнажена и на теле ее продолжают гореть следы от прикосновений его рук. «Так вот она такая, любовь», – думала она, улыбаясь своим мыслям.

Неужели теперь каждая ночь будет такой, как эта? И он, самый красивый и нежный мужчина на свете, будет принадлежать ей, как она ему? Во многое ей верилось, даже в то, что когда-нибудь она станет великой пианисткой (он вселил в нее веру в это), но то, что эта ночь может повториться... Она боялась спугнуть даже самую мечту об этом. И даже войдя в свадебный салон, ослепительный в своей красоте и освещении, полный красивейших манекенов в воздушных белых платьях, она старалась дышать тихо и вообще не производить шума, чтобы не разрушить целую галерею созданных ею в своем воображении картин будущей счастливой жизни.

Обладая особенностью жить подчас в воображаемом мире, она совершенно не была обеспокоена тем фактом, что официального предложения ей никто не сделал, что проведенная с мужчиной ночь могла оказаться лишь приятным сопровождением занятий. Во всяком случае, так могла воспринять связь с преподавателем любая другая ученица Светлова, но только не Таня Туманова. Она была уверена в любви Игоря Николаевича, чувствовала ее, жила ею, и забирая у нее кто-то это чувство, вся ее жизнь потеряла бы смысл. Она осознавала, что последние три года, которые она активно занимается со Светловым, смахивают на сон. Слишком уж все неправдоподобно, волшебное, но все же это не было сном, это была реальность, к которой она медленно, но привыкала. Училась жить самостоятельно, одна в большом городе, снимая комнату и почти сутками занимаясь музыкой. Это Светлов помог ей найти комнату, он отыс-

кал способ с помощью какой-то там специальной комиссии училища ее оплачивать, не говоря уже о выигранном ею гранте. Она ничего не понимала в грантах, деньгах, знала лишь, что ее опекают по полной программе и что все это делается руководством училища с целью сделать из нее настоящую звезду. Вот почему она старалась изо всех сил, до ломоты в запястьях. И когда забывала о еде, Светлов звонил ей и напоминал. Он же покупал ей продукты, приносил пакеты прямо в класс, и после занятий, когда не был занят, сам отвозил ее домой или же заказывал ей такси.

Но самым приятным событием в жизни стало ее первое занятие с Игорем Николаевичем у него дома, в прекрасной квартире, напоминающей музей. Большой, хоть и называемый кабинетным рояль «Blüthner», старинная мебель, картины на стенах, бархатные тяжелые занавески на окнах и Игорь Николаевич – какой-то уже другой, не домашний, но все равно другой, более близкий и понятный, родной. Когда он поддерживал ее за локоть или брал ее руку в свою, ей казалось, что у нее сердце останавливается. Она в такие моменты ничего не воспринимала, все плыло перед глазами, и становилось так хорошо, что хотелось плакать.

Он был так красив, так хорошо одет и так вкусно пах не то лимоном, не то апельсином, что она возбуждалась от одной мысли, что находится с ним в одной комнате, что имеет возможность видеть его, ощущать на своей руке его руку.

Однокурсницы смотрели на нее с завистью, и Таня, ловя их нехорошие злые взгляды, лишь улыбалась. Вот тогда в ней просыпалась обыкновенная деревенская девчонка, выросшая без отца и научившаяся сама себя защищать. Мысленно она уже много раз лупила этих злых московских девок, хотя знала, чувствовала, что близка к тому, чтобы сделать это в реальности. Знала, что поначалу они, холёные девочки из благополучных и богатых семей, подсмеивались над ее простой, немодной одеждой, над ее тонкими длинными ногами, болтающимися в старых сапожках с широкими голенищами, над ее носом, который краснел от холода, – она первое время, как покинула дом, постоянно мерзла. Смеялись над ее пуховым платком из козьей шерсти, в который она куталась, занимаясь вечерами в классе, который позже за ней закрепил навсегда Светлов. Но шло время, Игорь Николаевич сам ходил с ней в магазин, покупал джинсы, свитера, шубу, шапку, новые замшевые сапожки.

«Ты спишь с ним, Туманова?» «Расскажи, что ты ему такое делаешь, что он возится с тобой?» «Ты, случаем, не беременна от него, Туманова?» «Дура ты, Туманова, да у него таких, как ты, знаешь, сколько?!» Однокурсницы ненавидели ее, и Светлов это понимал. «Не обращай на них внимания. Главное – береги руки». Возможно, этой фразой он хотел ее предупредить, что девчонки могут ей как-то навредить, поранить ее руки? Но она и без того их берегла, понимала, что ее руки – это то, что больше всего ценит Светлов, что случись что с руками, она станет ему безразлична.

До вчерашнего дня он не прикасался к ней, разве что к ее рукам, которыми восхищался, и подчас она видела, как его взгляд следует за движениями ее рук, и брови его при этом взлетали вверх, как если бы он видел настоящее чудо. Она же, когда он трогал ее пальцы или локти, желала, чтобы он прикоснулся к ее лицу, плечам. И когда случалось в повседневной жизни, что он приобнимал ее за талию, когда они, к примеру, вместе входили в гудящий от рассаживающейся публики зал консерватории перед концертом, кожа ее реагировала, поднимая волосы, даже макушка оживала, словно от легкой мышинной перебежки по волосам. Или же в магазине он помогал ей примеривать шубу, прикасаясь к ней, застегивая на ней крупные сверкающие пуговицы кофейного цвета. Он тогда стоял совсем близко к ней, и она ощущала его теплое дыхание и закрывала глаза, пытаясь представить себе, что испытает, если он вдруг ее поцелует. Наверное, тогда она умрет. От счастья. Все было так невинно, и вместе с тем сколько в этой телесной недосказанности было острого наслаждения! Она могла бы прожить так долгие годы, питаясь этой отпускаемой скромными дозами нежностью любимого мужчины.

Вчера же они оба перешагнули огненную планку дозволенного или недозволенного. Сорвали ее, потеряв головы. Да, точно, кто-то выключил мозги, как выключают электричество в домах. Раз – и стало темно...

– Покажите мне, пожалуйста, вот это платье, я хочу примерить, – сказала она уверенно, даже не глядя в лицо продавщицы, затянутой в зеленое узкое платье рыбины с холодными, сверкающими насмешливыми искрами глазами.

В кабинке она разделась, с трудом надела на себя прозрачное, в кружевах и с пышной многослойной юбкой платье, подняла волосы, сколов их шпилькой.

Из глубины зеркала на нее глядела худенькая светловолосая девочка с большими зелеными глазами, черными бровями и маленьким ртом. В большом вырезе платья неожиданно наместились две выпуклости, что придавало ее, в сущности, подростковому облику некую зарождающуюся женственность. Выросшая грудь, на которую Таня прежде не обращала внимания, вызвала у нее самой улыбку. Она вспомнила мамины слова: «И откуда ж что берется?»

Платье было – глаз не оторвать.

– Восемьдесят две тысячи четыреста, – заглянув к Тане в кабинку, проинформировала зеленая рыба, полоснув ледяным взглядом по фигурке посетительницы.

Таня улыбнулась ей в ответ. И тут, где-то совсем рядом, она услышала стон, женский, глубокий. Таня вышла из своей кабинки и прислушалась.

– Там кто-то есть, – сказала она продавщице, кивая на соседнюю кабинку.

– Да, есть, ну и что?

– Кому-то плохо!

– Да она там уже полчаса примеряет, никак платье на себя не натянет... – фыркнула рыбина.

– Такой большой салон, и вы одна, да еще и такая противная? И как это вас вообще взяли на работу? – удивилась Таня и бросилась к кабинке, распахнула шторку и увидела сидящую на пуфе просто огромную беременную женщину. Потная, с растрепанной прической, она держала в руках комок кружев, который, видимо, когда-то был платьем.

– Дура, ты чего делаешь? – Продавщица, взвизгнув, бросилась к посетительнице и вырвала у нее из рук платье. Под ногами у женщины натекла лужа.

– Это ты дура! – возмутилась Таня, бросилась в кабинку, быстро сняла с себя платье и переделась. Она откуда-то уже точно знала, что нужно делать. И уж, конечно, не в свадебном платье стоимостью почти в сто тысяч. – Вызывай «Скорую», да побыстрее! Она же рождает!

– А чего приперлась за платьем? – Огрызнувшись, продавщица взяла в руки телефон. – Сидела бы дома, раз на сносях.

– Вот пристрелила бы тебя, честное слово! – Таня принесла еще один пуф, вместила его рядом с тем, на котором сидела женщина, села на него, обняла роженицу. – Успокойтесь и не обращайтесь внимания на эту припадочную. Не понимаю, как вообще такие устраиваются на работу? Крокодил!

Все произошло так неожиданно, что, войдя в салон с одним настроением, Таня сразу же словно отрезвела, пришла в себя и теперь сидела, обнимая испуганную беременную женщину, и думала только о том, чтобы та не родила здесь, в этом салоне, чтоб у нее нормально приняли роды, и ребенок, родившись, сразу попал в руки к докторам.

Но «Скорой» долго не было, роженица стонала, держась за живот, и от нее кисло пахло потом и еще чем-то странным, непонятным, и Тане было страшно.

– У меня свадьба через неделю, – доверительно говорила женщина, уложив свою голову на плечо Тани. – Мне рожать еще рано. Вот, пришла примерить платье. Здесь до этого работала одна девушка, очень милая, она показывала мне платья специально для беременных невест, вернее, сказала, что у них есть мастер, которая может подкорректировать платье, вставить

кусоч парчи в корсет, к примеру... А эта... Она хозяйка этого салона, у нее отвратительный характер, она всех продавщиц разогнала и осталась одна, это мне та, другая рассказала...

– А что же вы пришли в этот салон?

– Я здесь рядом живу. Так растолстела, что скоро разучусь ходить...

Так, отвлекая роженицу, Таня дождалась, пока приедет «Скорая помощь». Она решила проводить Лиду, так звали женщину, до больницы, куда вскоре уже должен был приехать ее муж.

Какое-то нехорошее чувство охватило ее уже в машине, когда она держала Лиду за руку. Внутренний холод вызвал озноб. Так бывает, когда начинается грипп. Но не было ни насморка, ни боли в горле. Но как-то уж совсем нехорошо стало на душе, причем совершенно беспричинно. Что это, предчувствие беды?

Она замотала головой, прогоняя нехорошие мысли.

5. Рита. 11 января 2018 г.

– Сережа? Я пришла!

Рита, открыв дверь своими ключами, вошла в квартиру, где было тепло, и замерла, прислушиваясь к звукам. Муж должен быть дома. Ну да, вот и его сапоги. Уже чистые. Сергей всегда, придя домой, протирает их и ставит аккуратно на свое место справа возле обувной полочки. Он очень аккуратный, любит во всем порядок и чистоту. Он вообще очень хороший. А еще умный и внимательный. Потому надо бы сейчас сделать такое лицо, чтобы он ни о чем не догадался, не понял, что она переживает так, что вот уже несколько дней совсем не спит. Что иногда ей кажется, что ее жизнь уже закончилась.

Сергей вышел ей навстречу, обнял ее.

– Как от тебя хорошо пахнет морозом, – сказал он, проводя ладонью по ее лицу и волосам, в которых растаяли снежинки. – Кажется, пошел снег? Да?

– Да, но он быстро тает.

Рита переобулась, и Сергей сразу же принес тряпочку и принялся протирать ее сапоги. Глядя на него сверху вниз, на его спину, обтянутую тонким свитером, ей захотелось его обнять, прижаться к нему и все ему рассказать. Но она не имела права портить и его жизнь.

Она переоделась в спальне, надела домашние штаны, кофту.

– Ну что, будем ужинать?

Сергей в ожидании жены сидел на кухне с ноутбуком, смотрел футбольный матч.

– Конечно, будем! Я картошку сварил, селедку почистил.

Когда в издательстве, где она работала, ей приходилось слышать, как ее коллеги по работе начинают хаять мужчин, когда рассказывают о них какие-то ужасные вещи, да еще и обобщают, мол, все мужики такие-разэтакые, то ей всегда хотелось остановить их и рассказать о том, что ее муж вовсе не такой, что он вообще не вписывается в те формулы и жизненные принципы мужчин, которые, по их словам, отравляют существование женщин. Ее Сергей – замечательный. Умный, добрый, красивый, хорошо зарабатывает, не эгоист, преданный. Хотя она слышала, конечно, и такие истории, когда такие вот замечательные мужья могут иметь не одну, а еще вторую, параллельную семью и что именно эти их прекрасные человеческие качества и не позволяют им оставить, к примеру, случайно забеременевшую от них женщину.

Коллектив был женский, разговоры велись постоянно, и время от времени, слушая очередную женскую историю, Рита спрашивала себя, а как бы она повела себя, как бы отреагировала, если бы узнала, что у Сережи есть любовница? Вряд ли сидела бы спокойно, не принимая участие в разговорах, а выложила бы сгоряча и свою историю, а потом лихо примкнула бы к рядам обманутых женщин, соглашаясь с тем, что «все мужики одинаковые».

Но пока она ничего не знала (да и не хотела знать), пока она жила в любви и не ведала разочарования, ей хотелось просто тихо наслаждаться семейным счастьем, и она молила бога о том, чтобы ничего в ее жизни с мужем не изменилось. Разве что она забеременела бы. Оба были здоровы, оставалось только ждать.

– Картошечка! – Она потеряла ладони, глядя на дымящуюся картошку. – Как хорошо ты придумал – картошка и селедка. Давно их не ели. Ты молодец. Как у тебя вообще дела?

Ей показалось или действительно ее голос дрожит?

– Да ничего, все в порядке. – Он посмотрел на нее, и она вдруг почувствовала, как глаза ее начали наполняться слезами. А что, если все раскроется и ее мир, который они с мужем выстроили, рухнет?

Еще совсем недавно она сидела на чужой постели в объятьях другого мужчины и говорила ему страшные глупости. Даже в самых дешевых фильмах не услышишь всего того, что пришло ей в голову сказать своему «любовнику» сегодняшним вечером. Кажется, она плела

что-то про платоническую любовь, что эта любовь более возвышенная, по сути, что это и есть настоящая любовь, а все эти сексуальные утехы – чушь собачья, что они только портят отношения между мужчиной и женщиной.

Она себя не помнила от стыда, когда раздевалась... Возможно, ей было бы легче, если бы за стенкой была та девушка, Таня. Да, с ней трудно, она может до утра просидеть за пианино, но лучше уж так, чем тишина, свидетельствующая о том, что Тани дома нет, а это значит, что условия ее свидания изменились. Она очень, очень рассчитывала на то, что ее соседка по квартире будет уже дома. Тогда и свидание можно было бы сократить или же совсем от него отказаться.

Она вдруг вспомнила эту девушку, вернее, девчонку. Таня. Хрупкая, большеглазая, просто очаровательная. Такая может кому угодно голову вскружить. Однако всегда одна. Зубрит день и ночь свои гаммы и этюды. Они редко сталкивались на кухне, Таня там почти не появляется, разве что выпить чаю. Иногда Рите казалось, что она живет своей музыкой, что почти ничего не ест, хотя в холодильнике (Рита как-то полюбопытствовала) есть все необходимое для домашнего питания, и молоко, и яйца, и масло. Скорее всего, она ничего не готовит и ест в своем музыкальном училище, в буфете или где-нибудь в городе.

– Наверное, я вам мешаю своей игрой, – сказала Таня в их первую встречу, когда они только познакомились. – Но я сделала все, что могла, наняла мастеров, и они обили комнату специальным звукоизолирующим материалом.

– Да вы не переживайте, я с удовольствием вас слушаю. Даже и не думайте, занимайтесь себе спокойно.

Рита тогда сказала чистую правду. Музыка ей совсем не мешала, больше того, слушая фортепианную игру, она отвлекалась, пыталась думать о чем-то другом, не о том, что волновало ее и мучило.

Она ждала от Татьяны каких-то обычных для этой ситуации вопросов, мол, почему снимаете комнату, где работаете, кто вы по профессии, но ничего такого не последовало. Налив себе чаю и сделав бутерброд с сыром, Таня вернулась к себе в комнату, где продолжила занятия. Вероятно, ее ну несколько не занимала ее соседка по квартире. Что ж, тем лучше.

Хотя при других обстоятельствах Рита сама бы порасспрашивала девочку о том, откуда она сама, как оказалась в Москве, как ей вообще живется, да и о личной жизни можно было бы спросить, просто так, почему бы и нет?

После ужина Сергей расположился на диване перед телевизором. Наступил момент, когда можно было расслабиться, просто отдохнуть. Рита сказала, что ее знобит, что она хочет полежать в горячей ванне. Сказала чистую правду. Ей действительно хотелось в горячую воду, чтобы смыть с себя слой за слоем свою беду. Чтобы унять боль.

Она уже подошла к двери с полотенцем в руках, как вдруг услышала:

– Как Наташа? Ты ее навещала?

Сердце заколотилось так, что Рите пришлось остановиться.

– Да, навещала. С ней все в порядке, просто надо еще полежать немного. Сам понимаешь, перитонит... Так сразу не выписывают. Но выглядит она значительно лучше. Щечки порозовели.

– Я рад.

Все? И это все? Кажется, да.

Рита заперлась в ванной комнате, разделась и забралась в полную зеленоватой горячей воды ванну. Плеснула туда душистой розовой пены.

Потом начала медленно погружаться в воду с головой. Как хорошо. Тепло, даже горячо. Вот сейчас она вынырнет, и вдруг окажется, что все то, что с ней произошло, – сон. Она придумала это сама. Мало ли что человек может придумать?

Она вынырнула, отдышалась. Слезы потекли по щекам. Наташа. Что с ней теперь будет? Как она там, бедняжка?

Промыв от пены глаза, она уставилась на выстроенную по периметру ванны батарею красивых пластиковых пузырьков с шампунями, маслами, кремами и подумала о том, что неизвестно, настанет ли такой день, когда ей будет приятен весь этот женский мир, состоящий из ароматов и комфорта, сможет ли она когда-нибудь насладиться им, как и многим другим? Потому что сейчас ее прежняя, недавняя жизнь, состоящая из великого множества больших и мелких удовольствий, дала трещину, обескровила ее, лишила чувств, сделала все вокруг бесцветным, пресным, скучным. Если прибавить к этому леденящий ужас, сочащийся из всех ее темных уголков души, то получится полная картина предсмертной агонии.

Распаренная, закутанная в толстый махровый халат изумрудного цвета, она вошла в спальню, где в свете ночника лежал с книжкой на груди ее муж, и застыла. Что, если она видит его в последний раз? Или нет? Что, если она находится в этой спальне последний раз?

Она мысленно перекрестилась, сняла халат и нырнула под теплое одеяло.

6. Костров. 12 января 2018 г.

На следующий день я уже собрал некоторую информацию о мертвом человеке, который так испугал моих друзей – Игоря и Клару Светловых.

Его труп обнаружила, как это водится, соседка. Увидела, что дверь в квартиру приоткрыта, вошла, позвала и увидела примерно такую же картину, что и Игорь, – труп на полу в кухне.

Вадим Соболев, тридцати пяти лет, холостой, проживал в квартире один. По предварительным данным, он отравился неизвестным веществом, остатки которого были обнаружены в бокале с недопитым красным вином.

Было заведено уголовное дело, которое поручили вести следователю Валентину Ракинину. К счастью, я был с ним хорошо знаком, да и он был в курсе того, чем я занимаюсь, поэтому проблем с обменом информацией у меня не должно было возникнуть. Однако мне пришлось изобретать причину, по которой я так живо заинтересовался этим делом. Пришлось сказать, что Вадим Соболев был когда-то моим клиентом. А что было делать? Не рассказывать же ему об Игоре Светлове, который обнаружил труп Соболева гораздо раньше его соседки. Да если бы Валентин узнал, каким сложным оказалось переселение моего подопечного на мою дачу и как много всего пришлось отвозить и покупать, чтобы обеспечить ему комфортное пребывание «в чужом доме», он был бы сильно удивлен! Поскольку Клара была уверена в том, что ей небезопасно ездить на дачу к брату, потому что за ней могут установить слежку (жертва сериалов, чего с нее взять?!), за город курсировали мы с Леной. Клара, понимая, что загрузила нас своими проблемами выше крыши, сразу же выложила мне десять тысяч евро «за беспокойство». Понятное дело, что я должен был уже начать отрабатывать гонорар.

Вот так я и оказался в кабинете Вали Ракитина и предложил ему свою помощь. Конечно же, он не мог не отреагировать на то, что видит перед собой человека, который был знаком с жертвой, и поначалу начал задавать мне вопросы. Ситуация складывалась комичная, однако я, предварительно подготовившись и придумав историю нашего знакомства, ограничился лишь информацией о том, что Соболев был у меня единожды, сказал, что у него есть ко мне дело, что оно касается его личной жизни и что якобы больше я его не видел.

– Постой, ты хочешь сказать, что Соболев пришел к тебе, так ничего и не рассказав?

– Да я и сам решил, что это странно. Думаю, что он передумал. Или, может, у него возникли сложности с деньгами. Знаешь, как это бывает, ждет человек денег, а их нет. Значит, и дела нет.

– А сейчас-то что? Почему ты заинтересовался этим делом? – догадался спросить Валентин, высокий худой парень с бледным лицом и большими голубыми глазами. Одетый в голубой свитер такого же оттенка, как и его глаза, и голубые джинсы, он совсем не походил своим чистым и уютным видом на следователя следственного комитета – скорее на гламурного журналиста. К тому же он не пил, как мне было известно, и не курил, что случалось в его среде довольно редко.

– Не могу сказать, что чувствую свою вину, ведь он же обратился ко мне за помощью, а разговора не получилось...

– Ну да ладно, это уже твое дело. Я лично буду не против, если ты мне поможешь. Хотя и дело-то может развалиться, если вдруг окажется, что это был суицид.

– Если все повернется именно так, то я в какой-то степени буду чувствовать себя виноватым, – проронил я крайне неуверенно.

Мне было страшно неудобно перед Валентином, ведь все то, что я ему плел, могло лопнуть как мыльный пузырь, если, к примеру, выяснится, что в тот день, когда Вадим Соболев якобы наносил мне визит, он на самом деле был где-нибудь в Нарьян-Маре или Воркуте. Но

мне повезло, и Ракитин ни разу не спросил меня, когда же точно у меня был Соболев. Я же, в свою очередь, задавая ему наводящие вопросы, мог бы уже довольно скоро определиться с датой визита – мне просто нужно было время.

– Так, значит, его отравили....

– Да, пока что неизвестно, каким именно веществом, но мы узнаем это, когда исследуем оставшееся в бокалах вино. Кстати говоря, бокалов с вином было два, да и вообще стол был накрыт на двоих, и судя по коробке конфет, можно предположить, что вторым человеком была женщина. Однако этот накрытый стол может быть чистой бутафорией, чтобы мы именно так и подумали, что это была женщина.

Чтобы закрепить наши дружеские отношения, я пригласил Валентина в кафе и угостил обедом, после чего отправился опрашивать соседей Соболева.

Спустя часа два я уже имел более-менее полное представление о жильце квартиры номер девять.

Свободный от брака мужчина, к которому время от времени приходили женщины, причем разные. Молодой, с интересной внешностью, вежливый и воспитанный, очень приятный в общении. Что еще могли рассказать о нем соседи? Ничего. Ни с кем из них он не поддерживал дружеские отношения, не разговаривал, жил своей жизнью. В приоткрытую дверь, как поведала мне одна из соседок, она видела, что квартира не отремонтирована, да и запах оттуда шел табачный, какой бывает в жилище заядлого курильщика («Не то что у прежних хозяев, вот аккуратные были люди!»). Словом, чувствовалось, что мужчина живет один, что никто у него не прибирается, не проветривает комнаты, не ухаживает за ним. Все соседи были едины в своем мнении, что Вадиму пора было бы уже жениться, «все-таки не мальчик».

Вадим Соболев работал механиком на станции техобслуживания, прилично зарабатывал. Это все, что мне удалось о нем узнать.

Быть может, другой, менее щепетильный человек, оказавшийся на моем месте, попав под обаяние Клары, и дальше принялся бы расследовать чисто убийство Соболева, отстранившись на время от самого заказчика – Игоря Светлова. Но я привык не доверять абсолютно никому, а потому вот уже сутки пытался связать эти две личности – Светлова и Соболева, найти между ними что-то общее. Я, безусловно, верил Кларе, но откуда мне знать, искренен ли с ней ее брат?

К тому же уж слишком напуган был наш пианист, надо было видеть его бледное лицо и взгляд, который вполне мог принадлежать человеку, который не только виновен, но еще и лжет. Я чувствую это. Можно сказать, кожей. Он явно что-то недоговаривает, скрывает. К тому же он мог и сестре своей всего не рассказать, а только часть. Откуда мне знать, какие у них отношения. То, что Клара трясется над ним, любит его больше жизни, это понятно. Но она может не знать о нем всего. Значит, я должен поговорить с ним без нее.

Побеседовав с соседями Соболева, я отправился к себе на дачу, к добровольно («подомашнему») арестованному пианисту.

Фортепианную игру я услышал, едва вышел из автомобиля. В ворота въезжать я не стал, решил, что разговор будет недолгим и я вернусь еще засветло домой.

У нас с Игорем был уговор – я должен был непременно предупреждать его о своем приезде. Что я и сделал.

Мой звонок прервал фортепианную игру, которая так хорошо и романтически ложилась на летающие по воздуху снежинки. Мой дом горел всеми окнами, словно там проживала большая семья и все комнаты, включая кухню, были заняты людьми. Давно я не видел такой уютной зимней красоты.

Я поднялся на крыльцо, Игорь отворил парадную дверь. Выглядел он на этот раз более спокойно. Мне подумалось тогда, что, должно быть, сказала музыка – расслабила, отвлекла от невеселых дум. Удивительные это люди – музыканты. Сотворены из особого материала.

– Так непривычно, должно быть, когда вам открывают двери собственного дома, да? – На лице Игоря появилась какая-то жалкая улыбка. – Проходите, Ефим Борисыч, почувствуйте себя как дома.

Мне понравился его настрой.

– По коньячку? – В гостиной я увидел початую бутылку коньяка и приготовленные две рюмки.

– Я же за рулем.

– Ах да, действительно. Что это я?

Я сел напротив него, наблюдая за тем, как он наливает себе коньяк. Дольки апельсина отражались в серебряной тарелке. Со стороны мы с Игорем смотрелись, должно быть, как хорошие приятели. В сущности, в основном так и случалось, что моими клиентами становились либо мои друзья или приятели, либо друзья друзей. Я не любил официальщины, предпочитал работать тихо, спокойно, не напрягая своих клиентов, щадя их нервную систему. От меня должен исходить позитив и уверенность в благополучном исходе дела.

В камине горели поленья – еще один романтический штрих. Дом прекрасно обогревался электричеством, однако для физического и душевного тепла моему новому знакомому явно не хватало живого огня, жара.

– Игорь, мне показалось, что вы что-то хотели мне рассказать, но присутствие Клары не позволило вам это сделать. Я прав?

– Да. Безусловно, Клара – самый близкий мне человек, однако я все равно не могу быть с ней предельно откровенным. Просто не могу. И не то, что она не поймет меня, нет, она вполне себе современная женщина и все поймет и простит, но слишком уж много всего на меня навалилось. Да и стыдно...

– Что вы делали в том доме? – Я решил ему помочь и направить наш разговор в нужное мне русло. Во всяком случае, мой вопрос был обыкновенным, естественным. Однако в случае, если Игорь меня обманул, когда сказал, что хотел навестить свою ученицу, я увижу его реакцию, и мне, возможно, что-то откроется.

– Я поехал к Тане, я говорил. – Он болезненно поморщил высокий бледный лоб, потер его двумя длинными тонкими сухими пальцами. – Но ошибся этажом. Вы что, мне не верите?

Он не возмущался, он действительно страдал и не злился на меня, на мое потенциальное недоверие.

– Игорь, вы уж простите меня, но я человек опытный, и я вижу, что вы что-то скрываете. Человек, который случайно наткнулся на труп, к которому не имеет никакого отношения, ведет себя совершенно иначе. Почему вы, увидев труп, не позвонили в полицию, как это сделал бы любой другой человек, оказавшись на вашем месте?

– Видимо, мне действительно придется вам все рассказать. Хотя вы-то мне уж точно ничем не поможете. Дело в том, что я... как бы это сказать... У меня даже язык не поворачивается... Я и не знал, что такое может со мной случиться. Когда мне рассказывали подобные истории – те, в которых мужчина не мог совладать со своим желанием, мне всегда это казалось преувеличением, я думал, что в любой момент можно остановиться, взять себя в руки, оставаться человеком, а не животным. – Он поднял на меня глаза: – Я изнасиловал Таню. Свою ученицу. И она пропала. Вот, теперь все.

– Так, значит, вы действительно оказались в квартире погибшего Вадима Соболева случайно?

– Да! Представляете, как мне было худо, когда я поднимался по лестнице, не зная, как отреагирует Таня на мое появление, что она скажет и что вообще со мной будет. А тут еще этот труп!

– А у Тани-то вы были? У вас есть алиби?

– Нет! Ее не оказалось дома. Возможно, она уже в полиции и дает показания или пишет заявление, не знаю. Она вправе это сделать. Думаю, что она уже была и у врача, у нее есть документ, подтверждающий факт изнасилования, – я же был ее первым мужчиной! Вот почему ее не было дома. Но я не мог сидеть у себя, я должен был действовать, я хотел попросить у нее прощения, я должен был ей объяснить, что это вышло случайно, что я не хотел...

– Она совершеннолетняя?

– Да, ей недавно исполнилось восемнадцать лет.

– Она ваша ученица? Расскажите о ваших отношениях.

– Я познакомился с ней три года тому назад, когда мы были в одном поселке, на прослушивании молодых талантов. Ей было тогда пятнадцать. Она так резво играла на рояле, так держалась на сцене и была так гармонична и великолепна, что я сразу же понял, что вижу перед собой будущую пианистку. Она играла так виртуозно и вместе с тем необычайно легко, словно лет пятьдесят концертировала... Она – удивительная. Мы все, кто был тогда в комиссии, отметили ее, и я вызвался ее опекать. Я сделал все, чтобы мать, простая деревенская женщина, отпустила ее в Москву, учиться. Я взял на себя все расходы по переезду и устройству девочки, я занимался с ней, сделал так, что она до сих пор не знает, что повышенную стипендию и грант – те средства, на которые она живет, придумал я, что ничего такого официально нет. Просто я договорился с директором училища, и мне пошли навстречу. Все же понимали, что такая талантливая ученица лишь украсит наше училище, что она, если с ней позаниматься, если ей уделить время и потратить на нее средства, станет настоящей звездой. Поверьте, мне было очень трудно первое время, поскольку я должен был чувствовать меру собственной опеки над ней. Вокруг нас – люди, много людей, у которых есть глаза и уши и которые должны были увидеть в нас, в наших занятиях лишь желание заниматься и идти к четко поставленной цели – конкурсу молодых пианистов. Но я влюбился в нее. Вот уж не знал, что эта болезнь коснется меня. Вы не подумайте, я не какой-то там зажатый и зацикленный лишь на одной музыке неудавшийся пианист. Я вполне нормальный, здоровый мужчина, и у меня были связи. Преимущественно это были наши же педагоги, и незамужние, и замужние, это уже неважно. Но такого трепета, такого сильного желания я никогда прежде не испытывал. Я влюблен, что называется, насмерть. Я и часа не могу прожить, чтобы не увидеть ее или не услышать. Наши с ней занятия – это смысл моей жизни. И я готов был бы даже жениться на ней, и Клара, может быть, догадывается, она же и помогала мне привезти ее сюда, устроить и все такое. Но я не рассказал ей, что произошло со мной вчера вечером, когда Таня приехала ко мне, когда мы сначала занимались, а потом я угостил ее вином, конфетами... Да, я рассказал ей о своих чувствах, но она мне не успела ничего ответить. Все произошло так быстро и нелепо, мне до сих пор стыдно вспоминать. Я набросился на нее... Я превратился в зверя. Все мои чувства, вся страсть, которую прежде можно было обнаружить лишь во время моей игры на рояле, как оказалось, жили во мне в каком-то другом качестве. Вы можете подумать, что я не в себе, что несу какую-то чушь, но это чистая правда! Я и сам до сих пор не могу понять, как это во мне, во взрослом мужчине, вполне себе воспитанном и сдержанном, могут сочетаться высокие романтические чувства к Тане с животным инстинктом. Ведь она совершенно не похожа на тех женщин, с которыми мне прежде приходилось иметь дело. Женщина – существо вполне себе реальное и всегда знает, чего хочет. Женщина, являясь ко мне на свидание в новом платье и прозрачных чулках, знает, что ее ждет, она хочет этого, и там все просто и легко, особенно когда мы оба понимаем, что это лишь связь, а не роман, что встречи, как бы это выразиться... без обязательств, что ли. Таня же была моим божеством, девочкой-гением, ангелом. И хотя она весьма привлекательна внешне, у нее чудесные глаза, точеная фигурка и все такое, я не мог даже позволить себе посмотреть на нее глазами мужчины. Вернее, мне так казалось. Получается, что я все эти три года, что опекаю ее, вижу в ней прежде всего женщину.

– Игорь, как отреагировала Таня на то, что произошло между вами?

– Да не знаю... Она уснула. Она пробыла у меня до утра. А утром молча встала, приняла душ, оделась и ушла, даже не выпив кофе. А я просто не знал, как мне себя с ней вести. Я был ее первым мужчиной. Я, можно сказать, нарушил все законы и правила, воспользовался ее доверием, заманил к себе на квартиру, напоил вином и изнасиловал.

– А она не хотела этого? Вы точно это знаете?

– Да как же она могла этого хотеть, когда у нее это было впервые? Она плакала, понимаете? Она же совсем девочка. Она вся в музыке. И вдруг этот грубый мужчина, срывающий с нее одежду...

– С чего вы взяли, что она хочет вас посадить? Вы причинили ей увечье? Были грубы с ней? Она что-то сказала вам перед тем, как уйти?

– Нет, не сказала. Но у нее был такой несчастный вид. Думаю, ей нездоровилось, кроме того, она была явно потрясена! И я не остановил ее, ничего не сказал! Я вконец растерялся! Она ушла, я проводил ее, помог ей надеть шубу, поцеловал ее в щечку на прощанье, сказал, что встретимся в училище. И все. Больше я ее не видел.

Мне надо было в училище, у меня там были занятия, и потом, примерно в четыре часа я освободился и поехал к ней. Меня всего трясло. Я не знал, о чем с ней говорить. Я хотел попросить у нее прощения, потому что предложить ей руку и сердце я бы просто не посмел, ведь она еще такая юная! Хотя, с другой стороны, стань она моей женой, я был бы, наверное, самым счастливым человеком на свете!

И уж не знаю почему, но чем ближе я подъезжал к ее дому, тем яснее мне становилось, что я совершил преступление. Что я вместо того, чтобы оберегать Таню, девочку, которую мне доверила ее мать, воспользовался ею. Знаете, мы с Кларой, когда она бывает дома, иногда смотрим телевизор и не раз видели разные шоу, посвященные теме изнасилования. Это очень скользкая тема. Бывают случаи, когда с девочкой переспали, она забеременела, мужчина женится на ней, но его все равно сажают... А здесь... Скандал! Я решил, что меня точно посадят.

– Когда вы подъехали к ее дому?

– Приблизительно в половине пятого. Я рассказал вам все это еще и потому, чтобы вы понимали, в каком я был состоянии, когда поднимался по лестнице. Там лифта нет, дом старый, хотя никто бы не отказался в нем жить... Мне в свое время и самому было удивительно, что хозяйка сдает комнаты в таком шикарном доме, на Садовой-Каретной, да еще и недорого. Словом, сначала, как вы уже поняли, я оказался в девятой квартире и наткнулся там на труп. Подумал, что это очень нехороший знак, вылетел оттуда и поднялся на следующий этаж, где увидел покрашенную краской табличку с номером двенадцать. Позвонил, ответа не получил, попробовал открыть дверь, и, как это случилось этажом ниже, она открылась. Мне это тоже не понравилось. Сразу подумал, что Таня была, вероятно, рассеянна и потому забыла запереть за собой дверь. Хорошо, если она дома, а если вышла и оставила квартиру открытой? Словом, сильно нервничая, я вошел в квартиру...

– Так, Давайте внесем ясность. Вы что, в первый раз пришли в эту квартиру, что так легко перепутали этажи?

– Нет, не первый! Что вы! Это-то и удивительно, что я перепутал. Говорю же, сильно нервничал! Сказать честно, мысленно я был уже в тюрьме... Я очень этого боюсь, понимаете?

Я спросил себя, бывали ли в моей мужской жизни случаи, когда мне было так стыдно перед девушкой? Скорее всего, да. Но я никогда так не убивался по этому поводу и уж точно не предполагал, что какая-нибудь из моих девушек напишет на меня заявление об изнасиловании. Разные ситуации случаются, девушки, они такие. Провоцируют, а потом делают вид... Хотя, какая разница? Если Игорь Светлов так боится, что его осудят за изнасилование, значит, либо

он такой тонкий и ранимый человек, для которого близость с девушкой целое событие, либо он снова что-то недоговаривает.

– Хорошо, я понял. Итак, вы вошли в квартиру и?..

– Тани там не было. Однако я услышал голоса из соседней комнаты. Таня мне как-то говорила, что соседнюю комнату снимает какая-то девушка или женщина. Но подробностей, кто она и чем занимается, она не рассказывала. Хотя обронила, что они, к счастью, не конфликтуют из-за того, что Таня много занимается. Кажется, эта женщина там даже не ночует. Да, забыл сказать, в комнате, которую я снял для Тани, мы сделали звукоизоляцию. Не бог весть какую, но все же... Но я не представляю себе, чтобы кто-нибудь живущий рядом мог быть довольным таким соседством. Однако что есть, то есть. С соседкой они проживают мирно. Так вот, голоса. Из той, второй комнаты раздавались голоса, мужской и женский. Я напрягся и прислушался. Во-первых, я находился в чужой квартире, и в любой момент меня там могли застать. Во-вторых, обнаружив, что Танина комната пуста, я не сразу покинул квартиру. Эти голоса показались мне какими-то странными. Предположив, что эту комнату снимают для тайных свиданий, я был удивлен некоторыми оборотами речи говоривших. Мне показалось, что они ссорятся.

– Почему вы сразу не ушли? – спросил я. Мне показалось удивительным, что такой человек, как Игорь, оказавшись в щекотливом положении, то есть в чужой квартире, вместо того чтобы, убедившись в том, что Тани нет, немедленно уйти, начал вслушиваться в голоса из соседней комнаты.

– Знаете, когда человек виноват, то ему кажется, что весь мир знает о его преступлении.

Я улыбнулся. Ну, конечно! Он подумал, что разговор за дверью мог идти о нем! И как это я раньше не догадался?!

– Я подумал, а что, если Таня, вернувшись от меня утром, заглянула к своей соседке и рассказала ей о том, что между нами произошло? И они вместе стали думать, как меня наказать.

Он был как ребенок, честное слово! Такой неуверенный в себе, такой зажатый, напуганный! И надо же было ему еще попасть в квартиру с трупом!

– Да, я понимаю. Так о чем же они говорили, эти двое предполагаемых любовников?

– Она не соглашалась раздеться... – Вот здесь Игорь покраснел. – Вы не представляете себе, как мне стало неловко, что я оказался под дверью и, получается, подслушал такие интимные вещи!

– Да, вы действительно были чрезвычайно взволнованы, раз предположили, что ваша с Таней история окажется предметом разговора не только соседки, но и ее приятеля.

– Вы осуждаете меня?

В эту самую минуту мне позвонил Валя Ракитин. Я, держа в руке телефон, пожал плечами, думая о том, как не вовремя меня отвлекли от беседы с клиентом, и, извинившись перед ним, вышел на улицу. Падal мягкий, пушистый снег, воздух вокруг синел прямо на глазах. Пора уже было возвращаться в Москву.

– Слушаю тебя, Валентин.

– Ефим Борисович, думаю, что мы раскрыли это дело! – бодрым голосом сообщил мне следователь.

– Ты про убийство Соболева? Что, неужели суицид?

– Нет-нет, это убийство. Сто процентов. Это не телефонный разговор. Скажу только, что многие детали указывают на то, что он не собирался умирать. У него были далекоидущие планы на жизнь, невеста, на которой он собирался жениться. Кроме того, накануне смерти, примерно за сутки, он купил в кредит новый холодильник, микроволновую печь. Это я к тому, что с какой стати потенциальный самоубийца стал бы обустраивать свой быт. Но, главное, мы вычислили убийцу!

Ну вот и слава богу, подумал я, как вдруг услышал:

– Его фамилия Светлов. Игорь Светлов, музыкант. Камера засекла его, когда он входил в подъезд, где жил Вадим Соболев, и сняла то, как спустя четверть часа он вышел, покругил вокруг дома, явно не находя себе места, после чего сел в машину, которую оставил чуть дальше от дома, и уехал.

– Постой... Как? Ты точно уверен, что это он? – Я чуть было не выдал себя.

– Уверен. Соболев умер между половиной пятого и половиной шестого. В шестнадцать тридцать этот пианист вошел в подъезд, а в шестнадцать пятьдесят пять вышел. Наши опера уже поехали за ним домой. Сверим отпечатки пальцев, и, если окажется, что они принадлежат ему, все, считай, дело в шляпе!

– Постой... А мотив?

– Вот задержим его и поговорим.

– Но как же два бокала вина? Ты же сам говорил, что там была женщина...

– Если ты помнишь, я сказал также и то, что это вино и конфеты могли быть просто постановкой, бутафорией, чтобы все так и подумали, будто бы его отравила женщина.

– Хорошо... Спасибо, что позвонил, – я попытался свернуть разговор.

– Люблю такие дела! – услышал я радостный возглас Ракитина и покачал головой.

Да, быстро он все разрулил! Телефон в моей руке снова ожил – на этот раз звонила Клара. Нетрудно было догадаться, о чем она собирается мне сообщить.

7. Капитан Лазарев. 12 января 2018 г.

– Капитан Лазарев, – представился рослый румяный мужчина в темной куртке и смешных ярко-желтых коротких сапогах.

Людмила Карпова, жительница станции Полевая, хозяйка небольшого частного дома, была удивлена появлением за воротами большой темной иномарки, забрызганной грязью. Жители станционного поселка знали наперечет все машины, и, когда появлялась чужая, все как-то сразу настораживались. Чаще всего в Полевую приезжали москвичи, все хотели прикупить участок возле реки.

– В смысле, полиция, что ли? – спросила Людмила, кутаясь в длинную вязаную кофту, которую накинула на плечи, едва услышала, как за окнами просигналила машина.

– Ну да. Зайти можно? – поморщился, глядя на утонувшую в талой воде дорожку, ведущую к крыльцу дома, Лазарев.

Над головой по-весеннему голубело небо, пели птицы, и капитан Андрей Лазарев в который уже раз пожалел, что не уволился из органов, не согласился перейти на более спокойную и хорошо оплачиваемую работу начальника охраны своего одноклассника бизнесмена Вардугина.

Сюда он приехал по заданию следователя Ракитина, расследующего дело об убийстве механика станции техобслуживания Вадима Соболева. Здесь, в Полевой, если верить полученной в результате следственно-разыскных мероприятий информации, проживали мать и невеста погибшего.

– Да, проходите, – пожала плечами Людмила, высокая статная женщина, натуральная блондинка с раскосыми карими глазами и маленькой коричневой родинкой справа над верхней губой. Она хлюпала по воде в высоких калошах, капитану Лазареву же пришлось перепрыгивать с камня на камень, чтобы добраться до первой ступени крыльца.

Людмила держала трех коров и продавала молочные продукты на рынке, не имея на это никакого разрешения. И сейчас шла, лихорадочно обдумывая, что ей сказать в ответ на ожидаемые обвинения. Может, отравился кто ее творогом или сметаной? Но это невозможно. К тому же, произойди такое, вся Полевая бы гудела, все бы все знали, и уж участковый Коробко первый бы примчался на своей новенькой «Мазде».

– Фамилия Соболев вам о чем-нибудь говорит? – спросил скучным голосом Андрей, усаживаясь на стул за чистеньким кухонным столом, покрытым тонкой, расписанной подсолнухами клеенкой. В кухне пахло теплым молоком, большая кастрюля которого стояла на плите, и сдобой. Капитан Лазарев подумал о том, что у него дома таких запахов сроду не было, жена кормила его полуфабрикатами, не любила, да и не умела готовить, да и молока в их доме никогда не бывало.

– Да, конечно. Это мой жених. – Уголки рта Людмилы опустились, брови нахмурились. Через несколько секунд она, судя по всему, разрыдается. Для нее, быть может, рухнет весь ее женский мир.

– А где он сейчас?

– В Москве. Он вообще там живет. Что-нибудь случилось?

– А вы почему не с ним проживаете?

– Вот как поженимся, так и перееду. Будем жить на два дома, и в Москве, и здесь.

– Не страшно было оставлять жениха одного, без присмотра? Вроде симпатичный мужик, а?

– Так доверяю... Как можно собираться замуж, если не доверяешь человеку? Так что случилось-то?

– Убили его, – сказал капитан Лазарев, вздохнув.

В кухне стало так тихо, что, казалось, он услышал дыхание белых гладких стен, украшенных полочками с расставленными на них хохломскими тарелками да гжелью. Людмила смотрела на него, слегка приоткрыв рот, все еще не осознав услышанное.

– Как это... убили?

– Отравили. Вот я и интересуюсь, как вы думаете, кто мог пожелать ему такой ужасной смерти? Что вы вообще знаете о жизни вашего жениха в столице?

– Не может быть... Вадим... Вадик... Может, вы что перепутали?

Лазарев достал из кармана фотографию, сделанную на месте преступления. Людмила, увидев мертвое лицо Соболева, отвернулась и всхлипнула.

– Поскольку его убили, значит, имелся мотив. Быть может, вы что-нибудь про него расскажете?

Ничего нового, за что можно было бы уцепиться, она не рассказала. Механик, неплохо зарабатывал, на выходные приезжал к Людмиле и матери, строили планы, собирались обживать купленный им в прошлом году участок прямо на берегу реки. Людмила рыдала уже прямо в голос.

– А тетя Тоня-то знает? Мать его?

– Знает. Я был у нее, она-то и прислала меня сюда. Там у нее сейчас соседка, давление меряет, капли капает.

Андрей задавал Людмиле множество вопросов, но ни на один не получил вразумительного ответа. Простая деревенская молодуха, работающая, умеющая считать копейку, ждала, когда жених заработает достаточно денег, чтобы начать строить дом на реке, да и на свадьбу, и не дождалась. Жених погиб, а ей самой, Людмиле, тридцатник. И что она теперь будет делать? Где найдет себе мужика? Как построит свою жизнь? От кого будет рожать детей? Она понятия не имела, кто мог убить ее Вадика. Она не знала ни одного его московского знакомого, понятия не имела, что он водил к себе женщин, с которыми развлекался после тяжелого рабочего дня, отмывшись от машинного масла.

Алиби как такового у Людмилы тоже не было – одиннадцатого января она была дома, готовилась к базару, варила творог, разливала сметану по банкам, квасила молоко. Может, соседи и видели ее в тот день, а может, и нет.

Оставив ей свою визитку, капитан Лазарев распрощался с опухшей от слез Людмилой и, дождавшись в машине, пока за ней закроется дверь дома, отправился опрашивать соседей.

Здесь, в Полевой, ему быстро нарисовали картину личной жизни Людмилы. Да, действительно, любила только Вадима, ни с кем не гуляла, да только имела воздыхателя, фермера Владимира Никитина. Богатый, серьезный, хорош собой, ну просто завалил Людмилу подарками, цветами (из Москвы букеты привозил), звал замуж, а она ни в какую. Люблю, говорит, Вадика.

Может, это он отравил своего соперника?

И Лазарев отправился на ферму, расположенную на самой окраине поселка. Высокий бетонный забор окружал огромное пространство, и Сергею пришлось рассматривать все, что находилось внутри этого поместья, через щели между бетонными блоками: основательные постройки, напоминающие коровники, выстроенная в три ряда техника, зернохранилище, сарай, двухэтажный, построенный в элегантном и строгом европейском стиле новый дом.

Было холодно, под ногами хлюпала снежно-грязная каша, небо над головой наливалось фиолетовой чернотой, голубизна куда-то исчезла, начало быстро вечереть. Андрей много раз звонил, надавливая пальцем на звонок справа от металлической калитки, но ему так никто и не открыл. Значит, фермера не было дома.

Захотелось снова туда, в теплую кухню с веселыми подсолнухами на клеенке, запахом теплого молока и ароматом самой женщины. Да, жаль, что он познакомился с Людмилой в такой трагический момент ее жизни. И что только она нашла в этом Вадиме Соболеве? Соседи про него такое понарасказывали – ни одна нормальная женщина ни за что бы не вышла за

него замуж. Бабник! К тому же обычный механик, не такие уж и большие деньги зарабатывал, да и верностью не отличался. Ну да, смазливый, можно даже сказать, красавчик, да только вряд ли Людмила была бы счастлива с ним. Может, ей вообще повезло, что она с ним не связалась.

Конечно, можно было уйти и уже не думать о фермере Никитине – уж слишком серьезное у него было хозяйство, этот человек точно знал, чего хочет от жизни, и даже не видя его, не разговаривая с ним, было трудно представить себе, что он даже из-за большой любви отправился бы в столицу, домой к своему шалопаю-сопернику, чтобы насыпать или налить ему яду в вино. Да и сам Соболев вряд ли стал бы выпивать вместе с соперником. А то, что Никитин помогает Людмиле, Соболев наверняка знал, не мог не знать, все-таки у него в Полевой мать живет, да и знакомых-друзей полно, непременно бы доложили.

К тому же если бы фермер навестил Соболева, то камеры уж точно его бы засекли. Но они засекли, как это ни странно, какого-то пианиста Светлова, Ракитин рассказывал. Хотя самого пианиста пока что тоже не нашли. Пока. Его сестра, известная певица, утверждает, что брат отправился куда-то за город, к друзьям, и что она не знает адреса. Вот такое совпадение. Машина брата стоит рядом с домом, получается, что Светлов отправился за город на машине своих друзей. Что-то здесь не чисто. И пианист какой-то скользкий. Что он забыл в этом подъезде?

Андрей уже собрался было уезжать, как увидел несущийся по дороге и подпрыгивающий на ухабах огромный внедорожник. Такой грязный, словно он неделю носился по местным тонущим в грязи полям и лесам. Внедорожник резко затормозил, из него вышел высокий крепкий мужчина в синей куртке, джинсах и высоких сапогах, на голове его криво сидела роскошная рыжая лисья шапка. Фермер! Андрей вышел, поздоровался с Никитиным, отчего-то пожал ему протянутую руку, словно точно знал, что он не убийца. Но, скорее всего, он просто успел зауважать этого человека за тот гигантский труд, который он вкладывал в свое хозяйство. Нет, этот точно не станет рисковать всем ради того, чтобы устранить соперника. Такие мужчины действуют иначе – доказывают женщине свою любовь, предлагают ей все, чем владеют, завоевывают ее любовью и заботой, но уж точно не убивают смазливых механиков ядом.

– Слышал, Вадима убили, – сказал со вздохом Никитин, жестом приглашая Андрея следовать за ним, открывая сначала калитку, потом еще одну дверь, ведущую в расположенный прямо за забором гараж, и через него уже в дом.

Андрей, вертя головой, только диву давался, насколько же все продумано в этом хозяйстве, как все добротно и красиво сделано, как удачно совмещен сельский стиль с городским и какая чистота кругом.

– Знаю, что вам уже все доложили про меня и Людмилу. Все правда – это не сплетни. Проходите, сейчас вот только свет включу. Зима, какая-никакая, но все равно зима, рано темнеет.

Он привел следователя в большую кухню, включил свет, и Андрей в который уже раз пожалел о том, что живет в городе. Все-таки двухкомнатная квартира на восьмом этаже, пусть и на Масловке, то есть не на самой окраине, все равно тесновата и скучна. Не сравнить с размахом сельских домов, простором, масштабами, словно здесь и воздуха больше, и есть где развернуться. Конечно, в деревнях имеются и маленькие домишки, но современные дома строят все-таки многокомнатные, да и земли, как правило, много, можно и сад посадить, и огород. Андрей снова вспомнил Людмилу, ее светлые льняные волосы, нежные розовые губы, на которые он, оказывается, смотрел все то время, что находился рядом с ней. А какая у нее грудь, и это при тонкой талии! И крепкая, и стройная, ладная. Он понимал Никитина, который влюбился в нее и пожелал сделать ее хозяйкой своего дома, хозяйства, да и всей его жизни вообще.

– Где вы были одиннадцатого числа, можете вспомнить?

– Здесь, на ферме. Мои работники могут это подтвердить.

«Да уж, шаткое алиби», – подумал Лазарев. Еще бы его работники не подтвердили.

– Как вас вообще сюда занесло?

– Я москвич, купил землю и решил здесь обосноваться. Людмилу сразу заприметил, – начал рассказывать Никитин, доставая из холодильника закуску – куски копченого мяса, контейнеры с соленьями. – Начал ухаживать, как положено, – цветы, конфеты, подарки. Водочки?

– Я на работе, – развел руками Лазарев.

– Да какая ж работа, когда уже темно? Оставайтесь у меня. Посидим, поговорим. Вы же приехали про Вадима спросить, так я вам расскажу все, что знаю. Честно признаюсь, я не особо общительный, никого сюда не приваживаю. Стоит только открыться, как толпами ходить будут – за кормами, зерном, деньгами. Я не жадный, но у них у всех есть земля, животные. Нет, у меня образовался, конечно, небольшой круг людей, которые мне приятны, и это в основном люди в возрасте, и я помогаю им, чем могу, а они мне подсказывают, что и как. Знаете, я же овец развожу, коровами занимаюсь, заложил фундамент сыроварни...

Нет, этот точно не стал бы травить механика, думал Лазарев, с аппетитом поедая соленые огурцы и перцы. Он отзвонился жене, предупредил, что не приедет ночевать. Ей оказалось, как это ни странно, все равно, она сказала, что находится у матери, что они что-то там кроют, шьют. Словом, решение остаться «по работе за городом» было воспринято как бы с пониманием, пусть и с холодком, но, главное, не было омрачено ни скандалом, ни подозрениями, все прошло на редкость спокойно.

Вообще-то, такое поведение было не свойственно Андрею, он редко ночевал вне дома, и уж если ему приходилось где-то заночевать, то это никогда не было связано с его службой. Как это он так расслабился и решил пойти наперекор своим принципам и согласился разделить ужин с совершенно незнакомым человеком, он и сам не понимал. Признаться себе в том, что его просто очаровала сельская жизнь, он был еще не готов. Хотя давно уже мечтал что-то в своей жизни поменять, сделать ее свободнее и счастливее. Людмила? Неужели он согласился остаться здесь на ночь, чтобы у него была возможность еще раз утром встретиться с ней?

– Вы разговаривали с Людмилой откровенно? Вы пытались понять, почему она так вцепилась в этого Вадима?

– Конечно. Но знаете, все ее отговорки звучали как-то по-детски, честное слово. Я не урод, нравлюсь женщинам, к тому же со мной она была бы как за каменной стеной, и она это знает. Я хочу сказать, что она была бы материально защищена. Когда я делал ей предложение...

– А вы делали ей предложение?

– Конечно, и неоднократно! Я вот так же, как и вы сейчас, недоумевал, что она нашла в Вадиме. Я видел его не раз, ничего особенного. Да и Людмила, скажу, совсем не романтическая особа, она вполне себе твердо стоит на земле, работает, держит коров и копит деньги. И любая другая на ее месте не раздумывая вышла бы замуж за меня, даже не любя, просто чтобы обеспечить себя на всю жизнь.

– Быть может, она не верит вам? Ведь выйдя за вас замуж, она будет зависеть от вас, и развод, если такое случится, снова вернет ее на прежнюю материальную ступень. Вы понимаете?

– Конечно! Я неплохо разбираюсь в женской психологии и понимаю, что женщине важно иметь какие-то гарантии. Я и об этом ей говорил, сказал, что мы заключим с ней брачный договор и в случае развода ей будет выделена сумма, причем немалая. В любом случае она не ушла бы от меня голая и босая. И она это знает.

– Значит, любовь? – Андрей отправил в рот кусок мяса. Мысленно он уже купил себе дом в Полевой и приобрел собственную копильню. – Выходит, она так сильно любила Вадима?

– Быть может, я сейчас совершу ошибку, доверившись вам. Но все равно... Дело в том, что я навел кое-какие справки о Вадиме. Да, он обыкновенный автомеханик, работает на стан-

ции техобслуживания. Зарабатывает тысяч пятьдесят, но точную цифру вам никто и никогда не скажет, возможно, его месячный доход может достигнуть и ста тысяч, но все равно, учитывая его образ жизни, постоянно меняющихся любовниц (кроме того, он любит выпить), вряд ли ему удалось бы скопить на двухкомнатную квартиру на Садовой-Каретной. Спрашивается, откуда у него эта квартира? Он купил ее только в прошлом году.

– В прошлом году? – Лазарев этого не знал. Действительно, удивительно для автомеханика средней руки. – Выходит, у него есть еще какой-то доход, о котором нам ничего не известно.

– Вот и я о том же.

– Вы сказали, что разговаривали с Людмилой. Она приоткрыла вам свои планы с Соболевым?

– Да, она сказала, что ей не нужны мои «миллионы», как она выразилась, что я для нее чужой человек и что у нее есть мечта, которую сможет осуществить только Вадим. И эта ее мечта – дом на берегу реки. Я знаю это место.

– Да, я тоже слышал об этом.

– Она, как тигрица, вцепилась в этот участок. Согласен, там очень красиво, и им действительно повезло, что Вадим купил его дешево: один местный заболел, и ему нужны были деньги, все решилось очень быстро, и Соболев не растерялся.

О Соболеве, получается, и говорить-то было особо нечего. Не знал Никитин тайного источника его доходов, не знал историю покупки дорогой квартиры на Садовой-Каретной, потому что если бы знал, то уж точно поделился бы. Вот и получалось, что Андрей, опер, задержался у фермера ради вкусной жратвы, тепла и возможности еще раз увидеть понравившуюся женщину. Не глупо ли? Так он думал, попивая водочку и слушая разговоры фермера о своем хозяйстве, о проблемах и удачах, о болезнях животных и олухе-ветеринаре, пока не произошло нечто, что сильно изменило ход его мыслей, и его визит к Никитину уже не стал ему казаться стыдным и глупым.

Приблизительно в полночь раздался звонок. Звонили у калитки. Какой-то ночной посетитель. Судя по реакции Владимира, этот ночной звонок и его удивил, он явно никого не ждал.

– Извините. Пойду посмотрю, кто там.

Он вышел, Андрей незаметно двинулся следом. Отставая от него так, чтобы тот не заметил его, он, выйдя из кухни, миновал длинный коридор, гараж и затаился за металлической дверью, устроив себе отличный наблюдательный пункт, – вспыхнувший над воротами фонарь хорошо осветил часть дорожки и калитку.

– Ты? Люся? – услышал Андрей и, вытянув голову, чтобы получше разглядеть, кого фермер называет Люсей, увидел входящую во двор Людмилу. В длинной черной дубленке с пышным меховым воротником, в белых сапогах (и это в такую-то грязь!), с непокрытой головой, она стояла перед великаном фермером и что-то оживленно ему говорила. Андрей даже дыхание задержал, чтобы получше слышать.

– Ты уж прости меня, что я так поздно, да и не вовремя. Вижу, у тебя этот... мент... Ты уже знаешь, что произошло. Теперь, когда его нет, я могу сказать тебе... Конечно, все это прозвучит сейчас так, как если бы я. О господи, не знаю даже, как сказать... Словом, пока Вадим был жив, я не могла ответить на твои чувства, понимаешь? Хотя, нет, как можешь ты понимать, когда ничего не знаешь... Он был страшным человеком, поверь мне. Я толком о нем ничего не знаю, в смысле, чем он занимался, с кем водил дружбу, возможно, занимался какими-то нехорошими делами. Иначе как бы он купил квартиру? Но я его боялась, очень боялась. И не то чтобы он угрожал мне, нет... Хотя он знал, что ты ухаживал за мной.

– Люся, да ты успокойся. Пойдем в дом, чего стоять на ветру? Холодно же, а ты даже без шапки!

– Нет-нет. Там же машина мента, он у тебя... Зачем он здесь? Что ему нужно?

- Так ведь ночь, поздно. Я предложил ему остаться у меня.
- Вы с ним что, знакомы?
- Да нет, просто хороший человек.
- Это мент-то хороший человек?
- У меня отец был опером.
- Извини. Я пойду.
- Ты пешком сюда пришла! По такой непогоде! Что ты хотела мне сказать?

Андрей удивился тому, что Никитин так до сих пор еще и не понял, зачем к нему ночью пришла практически овдовевшая молодая женщина.

- Ты что, действительно ничего не понял?

Она проговорила это так тихо, что Андрей вообще перестал дышать. И он совсем не удивился, когда Людмила, встав на цыпочки, вдруг обняла Никитина и прижалась к нему, пытаясь коснуться губами его губ.

«Ну и дурак же ты, Никитин!» – Лазарев покачал головой. Значит, он все правильно понял: Людмила, узнав о смерти Вадима, не то что не рыдает по нему, не убивается, все наоборот, она чуть ли не обрадовалась такому неожиданному освобождению и теперь, надеясь на то, что чувства фермера к ней не остыли, решила для себя действовать, причем быстро! Где домик на реке, который после смерти Вадима так и останется лишь мечтой, а где реальное, мощное фермерское хозяйство, да еще и нежная любовь красивого, умного и здорового Никитина?!

– Люся... – Никитин обнял Людмилу и принялся целовать. Оторвавшись от нее, он, едва переведя дыхание, забормотал ей что-то о своей любви, потом сбился на другую тему – пообещал помочь с похоронами.

- Отвези меня домой, пожалуйста, я что-то совсем замерзла.

– Да, конечно! О чем речь?! Я только ключи возьму и человека предупрежу, что отъеду ненадолго... Или наоборот... – он отстранился от Людмилы и посмотрел на нее, как на оживший призрак, недостижимый прежде объект его страсти и любви, теперь же вполне реальный и теплый, – ...надолго?..

Сколько надежды и страсти было в этом его робком вопросе!

Лазарев едва успел вернуться на кухню и сделать вид, что ест, как перед ним возник фермер. Глаза его блеснули, лицо покраснелось.

– Мне надо отлучиться... Там это... Люся... Думаю, ей страшно. Прибежала вот сама... Отвезу ее. Заодно и расспрошу про Вадима, может, расскажет чего полезного, а я вам передам. Кто-то же его убил, может, это поможет разобраться. Пока что могу сказать, она назвала его опасным человеком, намекнула что-то о том, что он с нехорошими людьми вроде общался. Вы это... Андрей, там сами найдете, что постелить, да? В шкафу в спальне постельное белье, постелите себе в любой из комнат, их много. И извините меня, бога ради.

Он убежал, Андрей какое-то время постоял возле окна, наблюдая за тем, как фермер заботливо помогает сесть во внедорожник Людмиле, как они уезжают. Когда все стихло, он вернулся за стол, плеснул себе еще водки. Потом еще. «Вот бабы стервы!»

Выпил, позвонил жене. Трубку долго не брали. Когда наконец он услышал ее заспанный голос, то улыбнулся расслабленной бессмысленной улыбкой пьяного человека и спросил:

- Привет, Свет. Как дела?

8. Таня. 11 января 2018 г.

Она лежала, разглядывая комнату, но никак не могла вспомнить, где находится. Ни одного знакомого предмета, да и узор, розовые розы на небесно-голубом фоне, ей ни о чем не говорил. Диван с полосатой, красно-золотистой обивкой, круглый стол с хрустальной пепельницей, плотно зашторенное тяжелой шелковой тканью окно. Почему она в постели? Постель чистая, белая, пахнет ванильным кондиционером для белья, почти как дома после стирки.

К счастью, память она не потеряла. Она хорошо помнила, как выглядит ее комната, да и лицо соседки по квартире узнает, даже тембр ее голоса помнит. Память вдруг вернула ей, как подарок, воспоминания, связанные с Игорем Светловым. Вот интересно, что же с ней такое приключилось и как она оказалась здесь, и это вместо того, чтобы быть у него дома, заниматься ли, пить ли чай или обниматься. Волна счастья заполнила всю ее, ей на какой-то миг стало даже все равно, где она и что с ней. Потом счастье как-то разбавилось физической болью – болела голова. И не успела она еще обернуться к своим недавним воспоминаниям, как дверь открылась, тихо вошла молодая женщина в джинсах и белом свитере, склонилась над Таней и улыбнулась.

– Ну, ты как? Проснулась?

И она сразу все вспомнила. Стонущую в машине «Скорой помощи» беременную женщину по имени Лида, потом белый больничный коридор, врачей и медсестер, которые приняли Лиду и отпустили Таню. Она вышла из больницы, глотнула свежего воздуха и побежала к метро. Когда она перебегала через дорогу, ее сбила машина. Серое московское небо перевернулось, крутанулось и остановилось – как кадр кино. Такой неприятный тупой звук удара ее тела о капот, визг тормозов, крики людей. Кажется, кто-то из образовавшейся моментально толпы обозвал молодую девушку, склонившуюся над ней, хозяйку неуправляемой машины, сбившей ее, каким-то нехорошим словом, прямо-таки отвратительным словом, фразой, смысл которой заключался в сомнении, что она сама заработала на это авто. И как это мозг в такую экстренную секунду успевает вобрать в себя и сохранить, как на информационном носителе, такую вот ерунду, не имеющую к ней, к Тане, никакого отношения. Она очень хорошо запомнила лицо этой девушки-водителя, жалкое, с глазами, полными слез, с дрожащими мокрыми губами. Кажется, она пробормотала что-то вроде «Виновата, господи, как же я виновата!».

На какое-то время Таня, видимо, потеряла сознание, потому что пришла в себя уже в машине, рядом с водительским сиденьем. Сильно болела голова. Но первое, о чем она подумала, – это руки. Пошевелила ими. Слава богу, все в порядке. Целы. Не сломаны и даже не поцарапаны, кожа нигде не саднит. Игорь Николаевич просил ее беречь руки. И это чудо, что она, попав под машину, уцелела.

– Я не могу тебя везти в больницу, не могу, у меня неприятности, а если привезу, сразу вызовут полицию, а у меня муж там служит, я его боюсь, очень боюсь... Я решила, наконец, от него уйти, уже и вещи собрала, а от страха так дрожу, что зуб на зуб не попадает. Наверно, поэтому я и наехала на тебя, не успела затормозить, задумалась. Но ты не бойся, я тебе вызову врача, у меня есть хороший знакомый. Мы сейчас поедem к одной моей знакомой, она мне ключи оставила, там он нас не найдет. Я позвоню врачу, его зовут Михаил Александрович, он придет и осмотрит тебя, а если нужно, отвезет в больницу, это свой человек. Надо будет, я тебе заплачу, вот только в полицию не обращайся, хорошо?

Все предельно ясно. Конечно, она не станет портить девушке жизнь.

– Меня зовут Оля. Оля Караваева.

Девушка была худенькой, с прозрачной кожей и сиреневыми кругами под большими карими глазами. У нее был вид неврастенички. Волосы ее растрепались, щеки разругались. Она крепко держала руль своей большой красной машины.

– Мы уже скоро приедем, потерпи. У тебя голова болит, да?

Таня кивнула.

– Мне бы позвонить.

– Хорошо, звони. – Девушка достала из кармана курточки телефон и протянула Тане, и, как оказалось, напрасно. Таня не помнила ни одного телефонного номера наизусть. Доверилась полностью телефону. Позвонила на свой номер. Сначала были длинные гудки, потом раздался мужской голос. Таня объяснила, что потеряла телефон.

– А, так вы та самая Маша-растеряша, что подвозила беременную женщину, – обрадовался голос, – и выронила в нашей машине телефон? Приезжайте в больницу, я оставлю его в регистратуре.

– Спасибо большое! – Теперь уже Танин голос прозвучал радостно, все-таки нашелся ее мобильник, а в нем все номера.

Приехали в какой-то незнакомый Тане район, и, когда она стала выходить из машины, почувствовала боль в колене. Да и джинсы в этом месте стали бурыми и мокрыми от крови.

– Меня, наверное, ищут, – сказала она чуть ли не извиняющимся тоном, когда они уже поднимались в квартиру. – Надо будет потом заехать в больницу, я там обронила свой телефон.

– Все сделаем, подожди немного. Сейчас я позвоню Михаилу Александровичу.

Но, видимо, день был такой, телефон Оли Караваевой оказался разряжен.

Зашли в душную квартиру, Оля заботливо уложила Таню в дальнюю комнату, принесла бинты, марлю, перекись. Под джинсами на колене сочилась кровью круглая красная рана. Оля промыла рану перекисью, наложила повязку.

– Ты от мужа прячешься? Чего не поделили? Что, замужем так плохо и опасно? – морщась от боли, спрашивала Таня. Она сидела, обложенная подушками, и наблюдала за тем, как забинтовывают ее колено. И не сказать, что ее действительно интересовала Олина неудавшаяся семейная жизнь, говорила скорее из вежливости, чтобы как-то подбодрить ее, чтобы она не подумала, что она молчит, копя в себе злость и обиду за то, что ее сбили.

– Он бьет меня, – не глядя на Таню и сосредоточив свой взгляд на бинте, состроила страдальческую гримасу Оля. – Но бьет так, что не видно. Ревнует, хотя неизвестно, к кому. Просто так. По-моему, у него крыша едет. Думаю, у него неприятности на работе, вот он на мне и отыгрывается. А я так больше не могу и не хочу. Я сказала ему, что ухожу от него, так он меня так отшвырнул от себя, что я отлетела в коридор и там ударилась, вот, смотри...

И она показала, стянув с ноги брючину с едва заметным тонким слоем колготок, свою ляжку, верхнюю ее часть в сиренево-желтых разводах. Таня в сердцах свистнула – никогда ей еще не приходилось видеть такой синячище!

– Я понимаю, что поступила с тобой нехорошо, что надо было отвезти тебя в больницу, тем более что мы были совсем рядом, но у меня план, я должна была сегодня дожидаться своего знакомого, и он на машине отвез бы меня в Питер. Мне нельзя ни на поезде, ни на самолете, меня вычислят. Сейчас вот телефон зарядится, я позвоню доктору, передам тебя ему и поеду. Сейчас запишу тебе все мои паспортные данные, чтобы ты не думала, что я скрываюсь от тебя. Деньги у меня есть, вернее, у моего отца, он мне даст, если тебе потребуется лечение. Ты понимаешь меня? Ты простишь меня?

– Да все нормально, – ответила Таня, думая только о телефоне и о том, что ей надо срочно позвонить Игорю Николаевичу. Он там, наверное, с ума сходит. Уже и дома у нее побывал, а у нее там такой беспорядок! И кастрюля после овсяной каши не мыта! Может, он сейчас больницы обзванивает. Или морги!

– Послушай, а может, мне самой как-то до больницы добраться, скажу, что сама упала... Меня ищут, понимаешь? А там в регистратуре мой телефон.

– Хорошо. Вот сейчас позвоню, говорю же, доктору, и он отвезет тебя. А у меня встреча, я должна отправиться туда на такси, потому что Олег вычислит мою машину. Еще пару минут, и я позвоню. Потерпи. А хочешь чаю?

Она вышла из комнаты, расстроенная Таня легла и укрылась одеялом. Какой странный день! Столько всего произошло, словно все специально было подстроено для того, чтобы помешать ей мечтать. И как это она умудрилась из свадебного салона попасть в чужую квартиру, да еще и с разбитой головой (она очень уж сильно болела) и раненым коленом? Быть может, это ей все в наказание за то счастье, за то непозволительное счастье, которое обнимало ее руками Игоря Николаевича? Они были так близки, так близки, что ближе уже некуда. Он так нежно обнимал ее под одеялом, и она доверилась ему совершенно. Ей даже показалось, что после всего, что произошло между ними, она сможет еще лучше играть, что ее тело стало более легким и гибким, и руки, стало быть, тоже зарядились радостной, счастливой энергией.

За дверями произошло какое-то движение, что-то упало, потом она услышала Олин шепот «не надо, прошу тебя», и после этого раздался звук мощного удара, тихий приглушенный треск, как если бы раздавили большую фарфоровую вазу, и сразу стало тихо.

Произошло что-то страшное. Она сразу это поняла. И вместо того, чтобы спрятаться под кровать или в шкаф, на цыпочках подошла к двери, деревянной, со стеклянными ребристыми вставками, и приложила глазом к выбитому треугольному отверстию, открывавшему вид в соседнюю комнату. Она увидела мужчину в черном свитере и черных брюках. В руках он держал большую морскую раковину, неприлично розового, телесного цвета, ребристый край которой был в крови. У ног мужчины лежала Оля, растрепанные волосы ее упали на лоб, а из-под затылка на паркет выливалась кровь из пробитой головы. Мужчина осторожно положил раковину на пол, достал из кармана платок и принялся сначала вытирать руки, затем снова поднял раковину и протер ее, придерживая обмотанными платком пальцами, после опустил обратно.

Мужчина был крупный, спортивного телосложения, со спокойным лицом, скроенным грубовато, однако не уродливо. Черные гладкие волосы были аккуратно причесаны.

Оля не подавала признаков жизни. Если этот громила с непроницаемым лицом увидит Таню, то морская раковина окрасится еще и ее кровью. В этом не было никакого сомнения. Поэтому девушка замерла, едва дыша.

Мужчина несколько секунд смотрел на распростертое возле его мощных, в лужице растаявшего грязного снега башмаков на толстой подошве тело, после чего сел на диван, стянул с себя башмаки, от подошвы которых на полу остался четкий геометрический рисунок мокрой грязи, и поставил их прямо на цветную, в красных маках, диванную подушку. Потом вышел куда-то и вернулся с тремя большими мятыми синими полиэтиленовыми пакетами торговой сети «Bell», надел их на ноги, как обувь, обмотал их же ручками щиколотки, растянув полиэтилен сильными руками, чтобы не сваливались; в третий пакет сунул подушку с башмаками и, шурша пакетами и растирая ногами еще мокрые оставшиеся следы, покинул квартиру.

Таня услышала, как хлопнула дверь.

– Оля! – Она бросилась к девушке, еще надеясь на то, что та жива. Но Оля не дышала.

9. Наташа. 5 января 2018 г.

Вот говорят же, что счастье любит тишину. Это так правильно. Наташа, завернувшись в длинный шелковый палевый халат, стояла возле окна и сквозь прозрачную занавеску смотрела, как вышедший из ее подъезда мужчина машет ей рукой и усаживается в машину. Он уже уехал, а она все еще не могла пошевелиться. Какое-то странное любовное оцепенение овладело ее телом, словно он, ее Вадим, был все еще с ней и держал ее в своих крепких руках.

Она познакомилась с ним случайно, в июне, могла и вовсе не познакомиться, если бы отдала машину в ремонт своему мастеру. Но так уж судьбе было угодно, чтобы она обратилась в другую автомастерскую, где и познакомилась с Вадимом. Простой автомеханик оказался таким вежливым, обходительным и внимательным, что его вечерний звонок почему-то даже обрадовал ее. А ведь он просто позвонил ей, как клиентке, чтобы сообщить, что машина готова и она может ее забрать. «Хоть сейчас. Или же, если хотите, могу пригнать вашу красавицу прямо к вашему дому». Быть может, какую-то роль сыграл его голос, от которого ей стало не по себе, словно этот бархатистый тембр резонировал с ее чувствами и наложился на скучный дождливый вечер, который она коротала, слушая Лару Фабиан.

«Хорошо, пригоните, это было бы просто отлично».

Она спустилась, вышла, держа над головой зонт, он припарковал машину туда, куда она ему указала, на ее место рядом с домом, и сочла, что будет вежливым, если она пригласит его на чашку чая.

Он как-то не сразу согласился, несколько секунд стоял прямо под дождем, разглядывая ее, и под его взглядом она почувствовала себя не сорокапятилетней одинокой и страдающей от одиночества женщиной, а роскошной молодой дамой – вот такой у него был взгляд.

В его присутствии она оробела, и уже когда он вошел и расположился в гостиной, такой мокрый от дождя, она пожалела, что позвала его к себе. О чем они будут с ним говорить? Разве что он выпьет горячего чая и уйдет? Но как же быть с его одеждой? Рубашка мокрая, волосы тоже. Но если она предложит ему переодеться в сухое, то не превратится ли эта встреча во фрагмент романтического фильма? А ей этого не хотелось. Она вообще не верила мужчинам, считала их людьми недалекими, живущими по каким-то своим принципам, а потому непонятными. За плечами был двадцатилетний брак и тяжелый развод. Мужчин ну совсем не хотелось впускать в свою жизнь. И вдруг этот симпатичный синеглазый брюнет, который, если его переодеть, так и вовсе будет смотреться роскошно. Прекрасная фигура, проникновенный взгляд, какая-то недосказанность и таинственность, словно он вовсе и не автомеханик, а весьма состоятельный человек, который развлекается тем, что выдает себя за простого парня. Вот таким был Вадим. От такого любовника она бы не отказалась. Но тогда придет конец ее спокойной жизни, и, вернувшись домой после работы, ей не удастся уже спокойно поужинать перед телевизором и лечь с книжкой на диване. Она должна будет до самого позднего часа находиться в лихорадочном ожидании внезапного прихода любовника. Домашние фланелевые и такие удобные штаны и трикотажные толстовки, в которых так приятно поваляться на диване, должны быть забыты, и ей придется носить дома пеньюары, сексуальное белье и постоянно следить за прической. Да и дома должно быть всегда чисто прибрано, и еда должна быть в холодильнике на тот случай, если ей придется кормить его, мужчину, ужином. Готова ли она к таким переменам? Нужно ли ей все это? Ради чего? Секс?

Но она боится секса, она забыла уже все эти ощущения, да и желания давно не испытывала. Тело ее заснуло, как и она сама. Но что в этом плохого? Зато жизнь ее протекает спокойно, да что там – она счастлива! Вон, Рита, сестра, у нее минутки свободной нет, она постоянно с мужем, она и себе-то не принадлежит. Да, конечно, у нее прекрасный муж, но спокойствия-то

нет. Она не может сама выбрать шторы, ей надо посоветоваться, да и вообще они с мужем как сиамские близнецы и делают вид, что счастливы.

...Она принесла поднос с чаем, пригласила Вадима к столу. Про то, что могла бы предложить сухую одежду, и слова не сказала. Внешне отнеслась к нему, как действительно к автомеханику, которого захотела отблагодарить за то, что он пригнал ей машину. Хотя, какая же она глупая, надо было не чаю предложить, а дать денег!

Он выпил чай, поблагодарил, сказал, что у нее хороший вкус, что давно не видел такой красивой квартиры, потом поцеловал ей руку и, когда она попыталась вложить ему в ладонь деньги, улыбнулся и покачал головой – не надо.

И ушел! Не приставал, не сказал ни одного комплимента лично ей, как женщине. А уж она напридумывала себе!

Ну и ладно. Заперев за ним дверь, она надела пижаму, достала из холодильника малину, выдавила на нее большой шар взбитых сливок и устроилась на диване смотреть очередное вечернее телевизионное шоу. И что? Чем плохо?

Если бы ей тогда сказали, что уже через пару дней она проснется с ним в одной постели и что ей будет совершенно все равно, в чем она и в каком состоянии находится ее прическа или квартира, она бы расхохоталась говорившему в лицо.

Ничто в тот пасмурный день не предвещало ей в будущем крепкого сна на сеновале в маленькой захолустной деревне, ночных купаний в лунной речке, утомительных любовных упражнений в закрытом на защелку душном купе случайного пассажирского поезда, едущего в неизвестном им направлении, веселой прогулки на велосипедах в воскресных Сокольниках и много чего другого, сумасшедшего, переполненного физическими удовольствиями и приятной усталостью. Время словно покатило вспять, пока она находилась в объятиях прекрасного мужчины, сами собой разглаживались морщинки-лучики вокруг глаз, наливалось молодой упругостью ее тело, а глаза сияли так, словно в них плеснули лунный или солнечный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.